

АНДРЕЙ ДЫШЕВ

СПЕЦНАЗ

В ОТСТАВКУ НЕ УХОДИТ

*Атомный
экспресс*

ВНЕРА — СЛУЖБА
СЕГОДНЯ — ПОРЯДОК

Андрей Михайлович Дышев

Атомный экспресс

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167555
Атомный экспресс: Эксмо; М.; 2008
ISBN 978-5-699-28198-5

Аннотация

По среднеазиатской пустыне мчится поезд. Похоже, что конечная станция у него находится в аду. Вагон с радиоактивными изотопами плюс цистерны с нефтью превращают состав в монстра-убийцу, несущего смерть всему живому. Террористы должны быть довольны – кроме страшного оружия, в их руках еще и несколько пассажиров-заложников. Этим легко шантажировать любое правительство, тем более что путь экспресса пролегает по аварийной колее к границе сопредельного государства. Никто не может остановить обезумевший поезд. В борьбу с террористами вынужден вступить Кирилл Вацура, по воле судьбы оказавшийся среди пассажиров рокового вагона. Для него, бывшего спецназовца, этот поединок – настоящая война, в которой существует только одно правило: убивай, иначе убьют тебя...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	30
Глава 7	34
Глава 8	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Андрей Дышев

Атомный экспресс

Глава 1

Если я ничего не смыслю в коммерции, то никогда не стану ею заниматься, какие бы золотые горы мне ни обещали. Я совершенно не разбираюсь в том, где и какой товар можно купить дешевле, а продать дороже. Для меня темнее темного леса вопросы отправки товара железной дорогой, растаможки и продажи оптовикам. Я привык браться только за то дело, в котором чувствую себя, как необъезженный конь в степи.

А Влад – у того точно вывих мозга. По-моему, человеку некуда девать деньги. Мне кажется, что он спит и видит, как все его состояние в один прекрасный день вылетает в трубу. Звонит как-то мне в Судак:

– Привет, дорогой! Чего у вас там на набережной еще нет? На что есть спрос, но нет предложения?... Не знаешь? А у меня идея. Я решил построить у вас там сауну «V.I.P.». То есть высшего разряда. С девочками и боди-массажем.

Я ему объяснил, что на набережной не то что сауну, а киоск для продажи мороженого воткнуть некуда, к тому же обалдевший от жары, моря и девочек народ вряд ли потянет в парилку.

Влад упрекнул меня в том, что я мыслю стереотипами прошлого, и недели две не напоминал о себе. В первых числах августа позвонил снова.

– Значит, так: срочно узнай, сколько, какие марки мотоциклов и по какой цене хотят иметь ваши местные рокеры? – с ходу озадачил он меня.

– Кто? – не понял я.

– Рокеры! Пожалей себя! Ты что, блин, совсем от жизни отстал? Парни у вас по ночам на мотоциклах гоняют?

– Нет, – честно признался я. – Мотоциклов во всем Судаке штуки три-четыре наберется. Один у участкового, другой у моего соседа, дяди Леши, он на нем помидоры из Симферополя на рынок возит...

– Стоп! – прервал меня Влад. – Ты совсем отмороженным стал на своем курорте. Объясняю для тугодумов: я могу взять партию новеньких «Ямах» по хорошей цене, и мы их с тобой толкнем в Судак. Прибыль поровну.

– Вова, – сочувствующим голосом сказал я. – Зачем курортникам твои «Ямахи»? Они на море приехали, позагорать, искупаться. А из местных жителей у нас тут одни старушки остались.

– Да, с тобой кашу не сварить! – рассердился Влад. – У тебя совковое мышление!

Я надеялся, что он надолго оставит меня в покое, и с головой ушел в ремонт своей гостиницы. Но как-то в один из тех редких и прекрасных вечеров, когда Анна допоздна засиделась у меня, Влад снова позвонил. Слышимость была отвратительной. К тому же Влад говорил тихо и малопонятно:

– Слушай меня, старина. Четырнадцатого августа ты должен быть в Небит-Даге.

– Где я должен быть? – название населенного пункта я не расслышал.

– Это не совсем телефонный разговор, – не уточняя, продолжал Влад. – Я не могу сейчас сказать тебе всего. Запомни главное: четырнадцатого, город Небит-Даг, железнодорожный вокзал, кассовое окошко, двенадцать часов дня. Там я буду тебя ждать.

– Постой, Влад! – заторопился я, боясь, что он внезапно закончит разговор. – Где это находится? Почему я должен туда ехать? У меня дел по горло!

– Это очень важно... Я прошу тебя как друга. Ты должен мне помочь.

Анна повернула голову, вопросительно глядя на меня. Тонизирующий противоожоговый крем на ее малиновой от солнца спине стал подсыхать. Если его срочно не втереть в кожу, то придется смывать струей теплой воды, а какая это боль, я знаю по собственному опыту. Пришлось мне прижать трубку радиотелефона щекой к плечу и снова склониться над Анной, круговыми движениями втирая крем.

– Но я даже не знаю, как туда ехать! Ты можешь популярно объяснить, что случилось?... Ляг на бок!

– Что? – не понял Влад последней фразы, которая относилась не к нему. – Куда мне лечь?

Наш разговор напоминал общение по телефону глухого с немым.

– Я не понимаю, зачем ты меня куда-то тащишь! – выразительно крикнул я, выдавливая из тюбика на ладонь белую пену и осторожно растирая ее по телу Анны.

– У меня кончается время! – гнул свое Влад. – Все узнаешь потом. Запомни: Небит-Даг. Если ты не приедешь, мне будет очень трудно. Это связано с...

В трубке затрещало, защелкало, а затем раздались частые короткие гудки.

Я недоуменно смотрел на Анну, словно она слышала наш разговор и у нее был готовый ответ.

– Ничего не понимаю, – сказал я. – Мне надо куда-то ехать. Если не приеду, то ему будет очень плохо.

– Влад? – догадалась Анна, вставая с дивана и накидывая на плечи простыню. – Я кивнул. – А куда ехать?

– Какой-то Небит-Даг, – ответил я. – В двенадцать часов дня, четырнадцатого августа, на вокзале...

– Небит-Даг, – повторила Анна и призадумалась. – Кара-Даг знаю, Аю-Даг знаю, Чатыр-Даг знаю...

Я ходил по комнате и тер антенной макушку головы.

– По-моему, это его очередной бзик на почве коммерции, – предположил я.

– У тебя есть карта Крыма? – спросила Анна, подошла к зеркалу и стала расчесывать волосы. – По-моему, я красная до неприличия. Был ветер, и я не заметила, как сгорела.

– Не думаю, что этот город в Крыму, – ответил я и все-таки снял с книжной полки сложенную гармошкой туристскую карту Крыма и протянул ей.

Анна расстелила ее на полу и, сев по-турецки, склонилась над коричнево-зеленым ромбом полуострова.

– Что-то не видно, – сказала она, пробежав взглядом по всему побережью от Арабатской стрелки до острова Джарыл-Гач. – Может быть, ты плохо расслышал?

– Я хорошо расслышал, – мрачным голосом ответил я, снял с полки энциклопедический словарь и, раскрыв нужную страницу, зачитал: – «Небит-Даг. Город в Красноводской области Туркменской ССР. Жэдэ узел, добыча нефти, йодный завод, ГРЭС». Все.

Анна несколько мгновений пристально смотрела мне в глаза, словно хотела определить степень здравости моего рассудка.

– Так это в Туркмении? И ты собираешься туда ехать?

Вместо того чтобы ответить «да» или «нет», я стал возмущаться, словно передо мной стоял Влад:

– Я должен бросать все свои дела, приостановить ремонт и мчаться черт знает куда, чтобы принять участие в его глупой коммерции! А он даже не удосужился спросить, могу ли

я сейчас поехать в этот дурацкий Небит-Даг. Ты когда-нибудь видела большего наглеца, чем Влад? Пуп земли! Нет на свете более важных проблем, чем те, которые решает Влад Уваров!

Мне показалось, что Анна смотрит на меня с иронией.

– Кажется, ты очень хочешь, чтобы я тебя отговорила, – сказала она.

– Зачем меня отговаривать? – пожал я плечами. – Я и так знаю, что ехать туда – верх глупости.

Анна усмехнулась. Она слишком хорошо меня знала.

– Значит, ты не поедешь? – вкрадчиво полюбопытствовала она.

– Я?

Мы смотрели друг на друга. Глаза Анны переполняла ирония. За что я любил эту женщину, так за то, что она никогда не пыталась переделать мою сущность. С ней я всегда оставался самим собой.

– Ладно, – пощадила она мое самолюбие. – Не мучайся. Помочь другу – не самый бесполезный поступок. Поезжай за билетом.

Я растерянно мямлил в руке тюбик с кремом.

– А как же ты, Анна? Тебе будет скучно.

Мне нужна была индульгенция. Анна выдала ее мне, не задумываясь.

– Ничего страшного, – сказала она. – Не думаю, что это надолго. Купите две тонны дынь, привезете их в Судак, и они к тому времени сгниют окончательно. Влад тот человек, который учится только на собственных ошибках. Не будем ему мешать.

Я пробежал взглядом по комнате. Незастеленная кровать, стеллажи с книгами, стол, заваленный чертежами, договорами и прайсами ремонтно-строительных фирм, и на этом фоне – прекрасные, грустные глаза Анны.

Какая тут личная жизнь, если я готов по первому же свистку оставить дом и любимую женщину, чтобы с головой кинуться в сомнительную авантюру, подумал я и вздохнул, словно хотел сказать Анне: есть вещи, перед которыми я бессилён. Например, сам я.

– Может быть, мне все-таки не ехать? – почти без всякой надежды спросил я, чувствуя, что Анна еще может меня остановить.

– У тебя мало времени, – ответила она. – Авиакассы закрываются в шесть.

* * *

Что такое юг Туркмении в середине лета, я представлял себе достаточно отчетливо. По климатическим особенностям этот район мало чем отличался от севера Афганистана, где я когда-то оттарабанил два года. Романтики в тех краях мало: совершенно безумное солнце, температура воздуха – под полтинник в тени, мелкая, как пудра, пыль под ногами, засохшие колючки и малорослые деревья. Если к этому добавить хронический дефицит воды да абсолютное отсутствие красивых женщин, то станет понятно, почему перспектива оказаться там даже на несколько дней вызывала у меня такое уныние.

Анна, наблюдая за моими сборами, не смогла отказать себе в удовольствии повеселиться. По ее мнению, я должен был одеться непременно, как английский колонизатор – в белые шорты, рубашку с короткими рукавами, на шею повязать платок, а на голову водрузить пробковый шлем. Влада она почему-то называла великим комбинатором, а меня, вопреки логике, крокодиллом Данди, а нас обоих – концессионерами. Словом, мои сборы и отъезд стали для Анны отличным поводом лишний раз посмеяться. Да я и сам не мог воспринимать всю эту суету вокруг Небит-Дага иначе, чем причуды Влада.

Она поехала со мной до симферопольского аэропорта и, дабы не оставлять машину на несколько дней на стоянке, на ней же вернулась обратно в Судак. Я пообещал позвонить ей сразу же, как встречу с Владом и мне станет известно, что он затеял.

Ночным рейсом я вылетел в Ашхабад.

Глава 2

Мое путешествие по знойной стране было увлекательным и поучительным. В аэропорту прибытия я в числе первых и очень быстро прошел таможенную, и не потому, что торопился и лез по головам, а потому, что у меня с собой вдруг не стало никаких вещей, кроме денег и документов. В секции выдачи багажа круговой эскалатор вывез мне мою сумку с распоротым боком. В ней уже не было ничего, даже нательного белья. Теплая одежда на случай холодов, бритва, продукты, бутылка отличного коньяка исчезли бесследно. Когда я попытался вежливо высказать претензии администратору аэровокзала, полная женщина в форменной рубашке сделала вид, что не понимает по-русски. Обращение к ней по-английски также не возымело действия.

Пыльный, выгоревший от солнца город встретил меня бастионом из выдавших виды легковых машин, полукольцом окруживших площадь. Толпа водителей в тюбетейках, звеня ключами, как стадо колокольчиками, кинулась на меня. Каждый предлагал прокатиться с ветерком, и у каждого ветерок, естественно, был сильнее и прохладнее. Вся эта привокзальная суeta была мне хорошо знакома по Симферополю в сезон, и я, не сопротивляясь страстному желанию ашхабадских водил заработать, покорно сел в ближайший «Москвич».

Вокзал представлял собой еще более колоритное зрелище. Сочетание азиатского средневековья и цивилизации конца двадцатого века было гармоничным и взаимовежливым. Древний дед в стеганом халате, в чалме, с черным от солнца лицом, обросшим редкой белой бороденкой, сидел перед игровым автоматом и азартно сражался в «блэк джек», а его неимоверно грязное потомство в виде малолетних детей, одетых в тряпье, кидалось к солидным мужчинам за милостыней. Электронное табло, на котором должен был отображаться график движения поездов, видимо из-за особенностей климата, не работало, и его жидко-кристаллический экран был неряшливо заклеен рваными бумажками. Толпа мешков, под которыми с трудом угадывались люди, закрывала этот единственный источник информации, и мне бы пришлось очень долго выяснять время отправления поезда на Небит-Даг, если бы не вовремя проснувшийся инстинкт самосохранения.

Я уже находился на грани теплового удара, как вовремя вспомнил про волшебную силу денег и, щадя нервы и остатки влаги в стремительно высыхающем мозгу, стал щедро раздавать людям в железнодорожной форме доллары. За каких-то пятнадцать минут мне нашли место в комнате для особо почетных хлопкоробов, где работал кондиционер и не было пыли, принесли билет в плацкартный вагон да сервировали столик тарелками с пловом, сырыми овощами и бутылками с ледяным баварским пивом.

Утолив голод и жажду, я стал относиться к некоторым трудностям и особенностям окружающей меня действительности философски.

Пассажирский поезд Ашхабад-Красноводск подали за несколько минут до отправления, и я, стоя на липкой платформе, наблюдал очень увлекательное зрелище штурма вагонов. Мешки, которые по своим габаритам никак не могли пролезть в двери тамбуров, в первые же секунды штурма намертво забили все входы и выходы, и народ энергично ломанулся в окна. Глядя на состав, в котором начисто отсутствовали стекла в окнах, я подумал о глубинной мудрости и практичности местных железнодорожников. Выбив стекла, они убили сразу двух зайцев: решили проблемы с вентиляцией вагонов и посадки-высадки пассажиров.

Я устал мысленно проклинать Влада за всю эту экзотику, прелести которой по его вине вкушал. В конце концов, благодаря его бредовым идеям я ненадолго отвлекся от рутинной жизни в своей курортной провинции и познал еще одну грань многообразного мира.

В вагоне, куда я запрыгнул уже после отправления состава, никто, оказывается, не занимался такой ерундой, как проверка билетов. И благодаря устранению этой утомитель-

ной процедуры на моей полке сидело человек восемь-десять старушек и бритоголовых младенцев. Все они издавали переливистый шум и очень специфический запах, который не мог выветриться даже сильный сквозняк. Без всякой надежды я покосился на верхние полки, но и они были полностью загружены грязными пятками, мешками, корзинами и сумками.

И все же надо было отдать должное гостеприимству и вежливости моих спутников. Не прошло и получаса, как я пытался найти свободное место или, на крайний случай, проводника вагона, как маленькие чертята без признаков пола окружили меня, состроили на своих рожицах одинаковые выражения и, словно острые ножики, направили на меня обезьяньи ладошки. В своей богатой практике я сталкивался с разными видами вымогательства, но такой рэкет просто загнал меня в тупик. Отвертеться от него можно было лишь единственным способом: спрыгнуть с поезда. К счастью, аппетиты у ребятни были не слишком накрученные, и они вполне удовлетворились пятью долларами. А их благочестивые предки, степень родства которых я, правда, так и не смог определить, в знак благодарности за заботу о подрастающем поколении подвинулись и освободили мне край полки.

Это было чудное путешествие! Разве смогу я когда-нибудь забыть, как толстая и тяжелая, как водородная бомба, женщина, укутанная в теплые платки и пестрые халаты, скребла черными ногтями шайбу белого сыра и стружки пригоршнями отправляла в золотой рот; второй рукой она прижимала к груди младенца, завернутого в тряпье; младенец высасывал из ее гигантского вымени водянистое молоко, перемешанное с потом, а маленькая черноволосая девочка в красивых бордовых шароварчиках махала газетой, отгоняя от ребенка мух. А то забавное зрелище, когда пяток детишек сели в общем коридоре на корточках над газетками и, как котята, быстро нагадили на них, а затем теплые газетные свертки пассажиры бережно передавали из рук в руки, пока сидящие у окон не выкинули их наружу. И, конечно, надолго останется в моей памяти седовласый старец, одетый в сапоги, шаровары и черный, в заплатах, халат, который долго и неторопливо крошил в пиалу черствую лепешку, затем залил ее жиденьким чайком, придавливая кусочки хлеба пальцем; а когда сухари разбухли и показали свои белые спинки над краем пиалы, старец вытащил из нее кривым, как ветка, мизинцем утонувшую муху и протянул пиалу мне, и я понял, что если не съем это угощение, то никогда не увижу ни Небит-Дага, ни Влада.

Впервые, после своего путешествия по Южной Америке, я снова открыл для себя простую истину: мир многолик и непредсказуем.

Оставшуюся часть пути, то есть вечер и ночь, я провел в вагоне-ресторане. Меня оттуда никто не выгонял, и щедрый хозяин – широколицый туркмен с аккуратными усиками, тугим животиком и приятной улыбкой – безостановочно носил мне зеленый чай по доллару за чайник. Ближе к ночи, когда в вагоне стало прохладнее, он поджарил для меня баранью отбивную, тайно угостил меня русской водкой, которую продавать в ресторане категорически запрещалось, а когда пошел второй час ночи и хозяин решил, что я дошел до кондиции, стал предлагать мне восточных красавиц.

Это была незабываемая ночь! Красавиц, к счастью, оказалось только две, и я заплатил каждой за то, чтобы они оставили меня в покое до утра. Девушки честно отработали свои деньги, и пока я, пристроившись в углу и положив ноги на соседний стул, крепко спал и видел сны про Шехерезаду, они искали клиентов по всему составу и, каждый раз проходя мимо меня, вставали на цыпочки.

В Небит-Даге, куда поезд прибыл утром четырнадцатого августа, я отвалился от вагона, как высохшая глина от подошвы сапога. Не знаю, как английские колонизаторы в прошлом веке умудрялись щеголять в белых шортах. Мои джинсы песчаного цвета стали черными, белые кроссовки – серыми, а пропитанная потом майка побелела, словно ее покрыл иней.

До полудня по местному времени оставалось еще несколько часов, и я слонялся по грязному полустанку, настолько насыщенному солнцем, что от стен исходил непереносимый жар, словно я находился в мартеновском цеху. Огромное количество нищенского вида людей заполнило залы ожидания вокзала. Бабки и старики вперемешку с детьми спали прямо на голом полу, причем посреди зала. Нестерпимая вонь душила вокзал. Киоски с мутными стеклами продавали расплавленные «Сникерсы», просроченное печенье и гипсовые пепельницы в виде черепов.

К моменту встречи с Владом я уже настолько насытился восточной экзотикой, что никак не мог расшевелить вконец подавленное настроение. Ничего хорошего от свидания с Владом я уже не ждал и готовился к соответствующей антуражу проблеме. Скорее всего, думал я, Влада ограбили, и он попросит меня помочь вернуть деньги. Не исключено, что его «кинули» мошенники и мне придется играть роль вышибалы. Могло случиться еще более пакостное событие: к примеру, Влад вляпался в дурную историю, поконфликтовал с представителями местной власти, и ему грозит тюрьма. В этом случае мне ничего не останется, как возвращаться за деньгами и выкупать его.

Словом, я встал у кассового окошка в половине двенадцатого в весьма удрученном настроении, отыскивая его глазами среди серого мельтешения. Какие-то подозрительные личности начали кружиться вокруг меня, постепенно сужая орбиту, и в конце концов стали задевать меня локтями. Сначала я подумал, что личностям хочется драки, но оказалось, что это всего-навсего были миролюбивые торговцы анашой.

– План нужен? – не разжимая зубов, поочередно бросали они мне, как бомбу с самолета, короткую фразу, в очередной раз задевая меня локтем. – Не дорого отдам...

Влад распугал торговцев своим ростом и целеустремленной поступью, как трактор кур. Он возвышался над чалмами и тюбетейками, глядя на меня поверх них, и шел через зал так, словно по полю пшеницы, даже не помогая себе руками раздвигать зыбкую преграду. Одет он был, по своему обыкновению, как моднящийся подросток: в туго стягивающие круп джинсы и джинсовую безрукавку поверх голого торса. На крепкой шее болтались серебряная цепь да черный платок. Черные очки с маленькими стеклами естественно дополняли портрет. Единственное, что совсем не вписывалось в имидж, – это кожаная папка, которую Влад нес под мышкой.

Когда нас разделяло несколько шагов, Влад приветственно вскинул вверх кулак, и я увидел, что, вопреки моему предположению, лицо его светится счастливейшей улыбкой.

– Здорово! – громко сказал он, стискивая мои плечи своими голыми, скользкими от пота руками. – Молодец, что приехал! Как тебе нравится этот вокзал? Я просто балдею от этого запаха!

Кажется, серьезных проблем у Влада не было.

– Что случилось? – спросил я его.

– Ничего! – радостно ответил Влад и, водрузив свою тяжелую руку мне на плечо, повел на улицу. – Мне показалось, что тебе осточертело прохлаждаться в Судак и ты просто мечтаешь куда-нибудь вырваться.

Может быть, жара на меня так повлияла, но я, вместо того чтобы с облегчением вздохнуть, начал занудствовать.

– Ты ошибся, – ответил я, голосом показывая, что крепко недоволен выходкой Влада. – У меня дел – выше крыши, а ты заставил меня сорваться с места, чтобы полюбоваться твоей счастливой физиономией.

– Не сердись, – примирительно сказал Влад. – Сейчас я тебе все расскажу, и ты поймешь, что приехал не зря.

Он направился к скверику, где несколько хилых акаций разлили под собой жалкое подобие тени.

– Как тебе здешняя экзотика? – спросил он, присаживаясь на бетонную плиту и протягивая мне жвачку. – Я просто балдею от этих бабаев!

– А я уже нет, – ответил я. – У меня мозги плавятся от жары.

– Привыкнешь, – успокоил меня Влад. – Может, скушаем по пловешнику? Я тут нашел одно относительно приличное кафе.

Я отказался, давая понять, что жду от Влада вразумительных объяснений. Он же тянул время, получая удовольствие от моей неосведомленности. Мне надоело смотреть на его безгранично счастливое лицо, и я отвернулся.

Влад понял, что пришло время раскрыть тайну.

– Сейчас я тебе расскажу, как делаются деньги. Большие деньги, – с таинственным видом сказал он и совсем тихо добавил: – На двести тысяч долларов я купил в этом вшивом городишке целый состав с девяносто третьим бензином. Восемь цистерн по сто сорок тонн в каждой.

Наверное, он ожидал от меня иной реакции, но я не мог посмотреть на Влада иначе, чем с сочувствием.

– Зачем тебе так много? – спросил я, энергично жуя «дирол».

– Чудак! – снисходительно произнес Влад. – В Самаре меня уже ждет покупатель, который возьмет весь бензин по тысяча пятьсот рублей за литр. А купил я его по восемьсот... Не трудись сосчитать прибыль, это большие цифры. Если вычесть все транспортные и прочие расходы, то я за несколько дней заработаю что-то около ста пятидесяти тысяч баксов. Естественно, ты можешь рассчитывать на долю... Ну, впечатляет?

– Впечатляет, – признался я. – Ты рискованный парень. Не боишься, что твой бензин потеряется где-нибудь по дороге?

– Знаешь, – разоткровенничался Влад, – сначала, конечно, был мандраж. А потом я подумал: черт подери, не боги же горшки обжигают! Почему кто-то этим занимается, а я нет?

Я смотрел на Влада уже с любопытством, но скептицизм сидел во мне крепко.

– И где он, этот твой состав?

– Не бойся! – рассмеялся Влад. – Тебе не придется толкать цистерны, разливать бензин и прокладывать путь. Механизм, который я до деталей продумал и отрегулировал, уже работает. Сегодня ночью, а точнее под утро, состав благополучно отправлен на Ашхабад. Оттуда его перекинут на Чарджоу, затем на Самарканд, Ташкент и через Казахстан на Оренбург и Самару.

Не совладав с эмоциями, Влад крепко хлопнул меня по плечу. Я поморщился от боли.

– Вот так, дружище, рядовой кандидат исторических наук превращается в нефтяного магната... Нет, ты признайся, что даже предположить не мог такого размаха!

– Не мог, – признался я, потирая плечо. – Мы с Анной думали, что ты купил здесь несколько мешков дынь, чтобы потом продать их в Судак.

Влад скривился и не совсем естественно рассмеялся.

– Дыни – это бизнес для бабаев! Я пошел ва-банк. Я сыграл по-крупному. И, по всей видимости, снимаю богатый урожай.

Сейчас он очень нравился себе самому. Мне не хотелось огорчать его своим недоверием, и я осторожно похвалил друга:

– Молодец. Я не рискнул бы. Я просто не умею этим заниматься.

– Брось ты, браток, – великодушно возразил Влад. – Бензин – это, конечно, не гостиница для курортников. Но все же я считаю, что у тебя получилось бы не хуже, чем у меня. Кто не рискует, тот не пьет шампанское! Чтобы научиться плавать, надо нырять в глубину!

Он переходил на лозунги, и оттого разговор становился скучным. Я встал и протянул Владу руку.

– Поздравляю с удачей, – сказал я. – Надеюсь, что ты станешь преуспевающим бизнесменом. Ну, а я буду думать, как отсюда выбираться назад.

Улыбка сошла с лица Влада. Он с неприязнью посмотрел на мою руку и покачал головой:

– У-у-у!.. Кажется, ты начал мне завидовать. Это нехорошо, дружище. Это ты брось. Зависть – это самое дрянное качество.

Он в самом деле был уверен, что я ему позавидовал. Мне казалось, что я не давал повода так думать обо мне. Наверное, усталость и досада помешали мне достаточно искренне порадоваться удаче Влада.

Мне стало его немного жаль, как если бы Влад пригласил меня на свой день рождения, а я бы отказался от приглашения. Я снова сел и, как Влад это делал несколькими минутами раньше, обнял его за плечо.

– Я в самом деле рад за тебя, – сказал я, глядя ему в глаза. – Прости, если я не слишком ликую. Наверное, меня достали грязь и жара.

– Принято! – примирительно сказал Влад и кивнул головой. – А теперь поговорим о деле. Само собой разумеется, что я тебя никуда не отпущу – не для того просил приехать... В Чарджоу цистерны надо встретить и проконтролировать, чтобы их отправили на узбекскую таможенную, а оттуда – в Ташкент. Еще предстоят казахская и российская таможни, но это пара пустяков. По огромному благу и за бешеные деньги я взял два билета на фирменный поезд – в нем места раскупаются за месяц... Не делай гримасу, это совсем не то, в чем ты ехал. Эсвэ, кондиционеры, коврики, цветочки, чай в купе и, естественно, ледяное шампанское. Все за мой счет. Ты получишь море удовольствия!

– Это надолго, Влад?

Он махнул рукой, словно отбивая в сторону летящие к нему слова.

– Два дня! Всего два дня! В Самарканде я посажу тебя на самолет, и ты полетишь к своей Анне, а через неделю привезу в твой пропитанный портвейном поселок гонорар. И, разумеется, с меня банкет по полной программе.

– Не надо гонорара, Влад, – без всякой рисовки ответил я. – Я еще не скурвился до такой степени, чтобы помогать другу за деньги.

– Нет! Нет! – с чувством воскликнул Влад. – Об этом не может быть и речи! Как в этой идиотской рекламе? – ты не халявщик, ты компаньон! И оставь свое дурацкое благородство при себе. Если откажешься от денег, я отдам их Анне.

– Кстати, – вспомнил я. – Надо ей позвонить.

– Отлично! – хлопнул в ладони Влад. – Сейчас срубаем по пловешнику, а потом позвоним Анне.

Это Влад, подумал я, потеплевшим взглядом глядя на друга. Переделать его невозможно. Он никогда не поймет, почему в этом случае надо говорить «позвонишь» вместо «позвоним».

Глава 3

Я могу смириться с восточной неторопливостью – на жаре, словно в невесомости, не рекомендуется делать слишком резкие движения. И все же у всякой неторопливости есть предел, за которым может быть только спячка или кома. Я хотел популярно объяснить эту закономерность официанту, которого мы терпеливо ждали уже минут сорок или пятьдесят, но он попросту не появлялся среди столиков и зонтов открытого кафе, и его невнимание к нам я не мог списать даже на проявление национализма, так как за пустыми столами сидело не меньше десятка туркменов.

– Мне кажется, – медленно произнес Влад, едва разлепляя губы, – что сейчас идет трансляция футбола какого-нибудь престижного матча с участием местной команды. И они все прилипли к приемнику.

Из кухонного блока в самом деле раздавался напряженный голос диктора. О чем он вещал, мы понять не могли, но мне показалось, что это не спортивный комментарий. Несколько худощавых смуглых мужчин в черных тюбетейках с белыми узорами, сидящих за соседним столиком, застыли, как групповая скульптура «Хлопкоробы на отдыхе», прислушиваясь к быстрой речи комментатора. Я зачем-то нехорошо пошутил:

– Может быть, курс доллара по отношению к рублю стремительно упал? Черный понедельник...

К счастью, из-за стекол очков я не видел выражение глаз Влада. Но он заерзал на стуле, зачем-то взял из блюда щепотку соли и посолил свой язык.

– Ерунда, – сказал он. – Не может быть.

Наконец, из дверей кухни, как голуби из голубятни, стали вылетать официанты в белых передниках. Один из них, все еще находясь под впечатлением сообщения, качал головой и бормотал себе под нос. Подойдя к нашему столику, он рассеянно извинился и машинально протер стол тряпкой.

– Два убитый, семь раненый! – сказал он нам, полагая, что мы в курсе дела. – Ай, что делают, что делают!

Он вздохнул, достал из кармана измочаленный блокнот и ручку и приступил к работе:

– Шашлык, плов, лагман, шурпа, люля-кебаб, толстолобик жареный, помидор, зелень-мелень. Водка нет.

– Кого убили-то? – спросил я.

Влада интересовали вещи более прозаические.

– Для начала четыре бутылочки ледяной колы, по лагману и по шашлычку. А там посмотрим.

Официант, кивая, выводил какие-то крючки в блокноте. Записав, он поднял на меня черные глаза.

– Ну, это... милисия им дал ультиматум, – подробно стал объяснять официант, – а они давай стрелять из «калашников». Темно, милисия не знает, что делать, ему приказ, чтоб стрелять, не давали... А эти потом ушли. Их вертолет искал, но как найдешь – горы, пустыня!

– Ничего не понимаю, – сказал я Владу вполголоса.

– А тебе это надо? – отозвался он и взглянул на официанта: – Давай, дорогой, неси еду, жрать очень хочется!

И легко подтолкнул его в спину.

– Кто-то в кого-то стрелял, кто-то кого-то ищет, – скучным голосом произнес Влад, когда официант удалился. – Как я уже далек от всей этой ерунды! Если ты, дружище, когда-нибудь займешься серьезным бизнесом, ты поймешь меня. Все побоку! Дело вытесняет на

второй план всю эту ерунду, вроде политики, спорта, газет с уголовной хроникой и сплетнями...

– И женщин вытесняет? – уточнил я.

– М-м-м... – ненадолго задумался Влад. – Возможно, в какой-то степени и женщин. Видишь ли, даже маленькое увлечение, краткосрочный флирт может отвлечь тебя от дела в самый неподходящий момент. Ты допустишь серьезную ошибку – и плакали твои денежки.

– Тогда я тебе сочувствую!

Влад понял, что оказался в очень невыгодном свете, и попытался исправить положение:

– Но ты не дослушал! Самое интересное заключается потом, когда сделка завершена и я подсчитаю прибыль. Вот тогда-то можно отвязаться, ни в чем себе не отказывая. Вот тогда и наступит время подумать про женщин.

– Бизнес затягивает, Влад, – сказал я то, что когда-то от кого-то услышал. – Подсчитав прибыль, ты со всех ног снова кинешься сюда, чтобы купить бензин, но уже не восемь цистерн, а двадцать. И все начнется сначала.

Влад замолчал. В его доводах закончились козыри. Официант принес запотевшие бутылки с пепси-колой, и мы тотчас припали губами к горлышкам. Я мысленно ругал себя за нескончаемое занудство. Что за пакостная привычка портить человеку настроение! Он рад, он окрылен успехом, он полон надежд, а я на его надежды – как!

– Не переживай, – сказал я, отрываясь от опустевшей бутылки. – Когда продашь двадцать цистерн, то наймешь себе торгового агента, который вместо тебя будет ездить сюда и оформлять сделки. А ты будешь сидеть в офисе под кондером в беленькой рубашечке и щипать за попку длинноногую секретаршу.

Такая перспектива, по-моему, вдохновила Влада. Лицо его расплылось в улыбке.

– Ладно тебе! – сладким голосом протянул он. – Придумал тоже: секретарша, попочка! Сплюнь через плечо!

Мы оба сплюнули в тот момент, когда официант стал расставлять на столе глубокие косушки с лагманом и тарелки с шашлыком, присыпанным колечками лука. Подумав, что это такой своеобразный обряд, официант натянуто улыбнулся и тоже сплюнул. В общем, мы пожелали друг другу приятного аппетита.

* * *

Горячий от работы и солнца тепловоз медленно подтянул к зданию вокзала облезлые, грязно-зеленого цвета вагоны с выбитыми стеклами и пустыми оконными проемами без рам. Торчащие из проемов тряпки трепыхались на ветру, и казалось, что это машут руками измученные духотой пассажиры, в надежде, что им подадут с платформы кружку с водой.

Я спокойно следил за поездом, провожая взглядом дребезжащие, стучащие, лязгающие вагоны до тех пор, пока Влад могильным голосом не произнес:

– Это наш.

Я подумал, что он шутит, но лицо Влада было встревожено. Он посмотрел на часы, затем снова на поезд, встал, опрокидывая стул, и пробормотал:

– Я им сейчас головы поотрываю за такие шутки.

Он наполнялся совершенно безадресной злостью, намереваясь кому-то оторвать голову, что-то крушить, кричать и ругаться, требуя обещанный «фирменный» поезд, хотя это было так же бесполезно, как требовать от администрации вокзала прохладной погоды или дождя. Я невольно рассмеялся – в этой ситуации ничего другого не оставалось, как смириться и брать штурмом этот передвижной туалет.

– Ничего смешного не вижу, – буркнул Влад, сжимая кулаки. – Мне просто обидно перед тобой...

– Успокойся! – сказал я Владу. – Не такие уж мы с тобой ранимые и нежные создания, чтобы еще раз не пережить экзотику. Какой номер вагона?

– Двадцать второй!

– Так подожди немного, может быть, в конце будут получше.

В конце состава было не лучше и не хуже. Двадцать второго вагона не было вообще. Последним в составе был двадцать первый.

Пока Влад с приглушенным рыком разъяренного зверя метался по кабинетам начальника, коменданта вокзала и расталкивал народ у кассового окошка, я понял, в чем дело, и снова рассмеялся над чудачеством Влада. Двадцать второй вагон, фирменный, был прицепным, и его подсоединили к составу на моих глазах. Глядя на его свежую окраску, на целые тонированные окна, за которыми угадывались шторы и цветы в макраме, и одетую в чистенькую униформу проводницу, я с облегчением подумал, что Влад будет удовлетворен.

Я почувствовал спиной, как он подошел ко мне. От Влада тянуло влажным теплом, как от локомотива, и скандалом. Щадя его самолюбие, я молча пошел к вагону, у тамбура которого уже собирались пассажиры. Обескураженный таким фокусом, мой верзила притих и, предъявляя проводнице билеты, разговаривал с ней подчеркнуто вежливо.

– Каково?! – оживился он, когда мы зашли в прохладное и чистое купе, которое из-за зеркал на стенах казалось едва ли не спортзалом. – Могут ведь, если захотят!

– Если в умывальнике еще и вода окажется, – произнес я, боясь сесть на белоснежную постель, – то я буду просто шокирован.

Влад, не церемонясь, развалился на диване, сдернул со стола салфетку, под которой лежали две пластиковые упаковки с дорожным обедом и стояли бутылки с минералкой.

– В бизнесе, дружике, есть много приятных сторон, – сказал он голосом умудренного многолетним опытом делового человека. – Этот сервис – своеобразная награда за риск и титаническую работу.

Из-за его ног, напоминающих два длинных борцовских мешка, брошенных на пол, я не мог ни сесть, ни подойти к столу. Пришлось мне выйти в коридор, но там я тотчас преградил дорогу двум девушкам, которые шли друг за дружкой и тащили за собой волоком сумку и рюкзак. Одна из них, невысокая, упакованная в подчеркивающий крепкую фигуру джинсовый костюм, с немного сгорбленным, как у Ахматовой, носом, с темными волевыми глазами и жесткими губами, между которых проблескивали маленькие и острые зубы, заглянула в наше купе и посмотрела на номера.

– Одиннадцатое и двенадцатое, – констатировала она и, затащив рюкзак в наше купе, безапелляционно сказала Владу: – Прошу освободить места! И чем скорее, тем лучше!

Влад, кажется, все еще был занят тем, что мысленно отыскивал приятные стороны в бизнесе, и не сразу понял, что от него хочет эта напористая девушка с круглыми бедрами и крепенькими ладонями, которые в большей степени подошли бы мальчику-подростку.

– Простите, что я должен освободить?

– Вы заняли наши места! – грубо ответила девушка, привыкшая, должно быть, всего в жизни добиваться нахальством и громким голосом.

– Дайте, пожалуйста, взглянуть на ваши билеты, – попросил я у второй девушки, которая показала мне менее красивой, но более покладистой.

Та, на удивление, приветливо улыбнулась мне, поставила обнаженную ножку с поцарапанной коленкой на козух обогревателя и стала вталкивать острую ладошку с тонкими пальцами, опоясанными серебряными кольцами, в задний карман шорт, обрезанных, по старой моде, выше того места, где ягодица превращается в ногу. Ноги у нее были не столько стройные, сколько длинные, за счет чего девушка была на полголовы выше своей скандаль-

ной попутчицы, и рельефы ее фигуры, должно быть, ушли в рост. Вылинявшая дешевая маечка висела на ее плечиках, как на вешалке в платяном шкафу, и от малейшего движения открывала постороннему взору выразительные ключицы и неразвитую грудь; лишь крупные коричневые соски, рьяно бодающие майку изнутри, наделяли эту деталь тела признаком пола.

– Сейчас, – сказала она мне, проверяя содержимое второго кармана и опять не находя в нем ничего. – Лесь! Ты мне билеты отдавала?

Нахрапистая подруга ничего не ответила, перешагнула через ноги Влада и бесцеремонно упала спиной на мою постель.

– Куда же я их подевала? – бормотала девушка, выворачивая третий карман.

До встречи с Владом я считал себя очень вспыльчивым и нетерпеливым гражданином. А как познакомился с ним, так сразу понял, что такое настоящая вспыльчивость. Я увидел, как выражение блаженства на лице моего друга стремительно тает. От частого и глубокого дыхания ноздри его стали круглыми, словно туда затолкали две горошины. Нижняя челюсть слегка выдвинулась вперед. Приблизительно так выглядит боксер, намеревающийся послать своего соперника в нокаут.

– Ты чего меня грузишь, подруга?! – с нарастающей громкостью произнес Влад, приподнимаясь с постели. – Пожалей себя! В моем купе!! С ногами на постель!!

Если бы мы ехали в основном, не фирменном вагоне, Влад точно выкинул бы Лесю наружу через разбитое окно. Боясь, как бы Влад в борьбе за приятные стороны бизнеса не повредил бы девушке здоровье и репутацию, я вклинился между ним и все еще лежащей на моей постели нахалкой.

– Я сказала! – произнесла Лесья громко, отчетливо «акая». – Никуда я отсюда не уйду! Я купила билет на это место! Только тронь – пожалеешь!

Влад горячо дышал мне в затылок. Продолжая свою миротворческую миссию, я вопросительно смотрел на улыбчивую попутчицу Леси, которая, опустившись на корточки, открывала «молнию» на своей сумке. За ней уже стоял большой кучерявый негр с двумя огромными оранжевыми чемоданами, которому она мешала пройти.

– Успокойся! – сказал я Владу. – Это, к сожалению, бывает. «Двойники».

– Что значит «двойники»? – рычал Влад, все сильнее подталкивая меня в спину.

– Одно и то же место продают двум пассажирам, – пояснил я.

– Фирменный вагон! – не пытался усмирить свой пыл Влад. – Такого быть не может! Не поддавайся на провокацию, Кирилл! Я сейчас выкину их из поезда. Ваши билеты сюда, быстро!!

– Регина, покажи им билеты, чтобы заткнулись! – сказала Лесья, покачивая ножкой, свисающей с дивана, и не сводя с меня черных глаз.

– Да нет у вас билетов!! – гаркнул Влад, зачем-то ударив меня по почкам. – И никогда не было!! Ты, блин, шарманка малолетняя!! Лечить меня вздумала?!

– Вот они! – все еще улыбаясь, как дурочка, сказала Регина, протягивая мне смятые билеты.

Я взял их, расправил и разгладил на ладони.

– Поезд номер «ноль один», отправление четырнадцатого августа в шестнадцать сорок три, место тринадцатое. – Я взглянул на другой билет. – А здесь место четырнадцатое... Вы что, девочки, читать не умеете? Это в соседнем купе!

Влад выхватил билеты из моей руки, поднес их к глазам и тотчас кинул бумажки в лицо Леси:

– Ну, шмакодявка! Глаза у тебя, оказывается, не на лице, а на заднице!

Лесья мельком взглянула на билеты, усмехнулась и медленно поднялась с дивана.

– Заткнись, бегемот, – сказала она Владу и, покачивая бедрами, вышла из купе.

Я спиной почувствовал, как подскочило напряжение и воздух наэлектризовался до предела.

– Ошиблись, – зачем-то пояснил я Владу, будто это могло его успокоить.

Умирая от жажды мести, Влад ограничился лишь сильным пинком по рюкзаку Леси, который валялся на полу. Там что-то хрустнуло. Глаза девушки сузились, и она с угрозой сказала:

– Ладно...

Схватившись за лямки рюкзака, Леся потянула его вверх, как вдруг из горловины, которую она забыла стянуть веревкой, вывалились на ковровую дорожку небольшие прозрачные пакеты, наполненные чем-то черным, похожим на смолу.

Я успел перехватить удивленный взгляд Регины, брошенный на попутчицу. Влад сообщил быстрее меня и как-то странно улыбнулся, словно удовлетворил свое самолюбие.

– Мумие! – то ли спросил, то ли утвердительно сказал он. – Национальное сырье Туркменистана! Черная валюта, на которую распространяется государственная монополия!

– Чего вылупился! – крикнула Леся. – Закройся в своей конуре и хрюкай в подушечку!

Ничуть не смутившись, она опустила на корточки и стала быстро сгребать пакеты в кучу и заталкивать их в рюкзак. Негр, стоявший позади нее, терпеливо ждал завершения конфликта и с плохо скрытым восторгом смотрел на девушку сзади.

Вдруг Влад нагнулся и молниеносным движением подхватил с пола один пакет. Рука Леси с опозданием рассекла воздух, пролетев рядом с моим носом.

– Отдай!!

Влад поднял пакет над головой. По его лицу было видно, что он, как и негр, получает огромное удовольствие. Леся подпрыгнула, но ее роста было недостаточно, чтобы даже коснуться макушки головы моего друга.

– Почем скупали? – спросил он. – А в России за сколько можно толкнуть? Только через узбекскую таможенную мумие не пропустят. Если найдут, начнутся проблемы.

Кажется, он зря это сказал. Леся прыгнула на него, как пума, защищающая своих котят, и вцепилась ногтями ему в шею. Влад наотмашь ударил пакетом Лесю по лицу и несильно оттолкнул ее от себя.

– Пожалей себя, идиотка! – бормотал он, трогая себя за горло.

– Не надо ругаться, друзья! – наконец вмешался в развитие событий кучерявый негр и показал всем свои белые зубы.

Леся подхватила с пола пакет и, ни слова не говоря больше, затащила свой рюкзак в соседнее купе. Регина, не в силах поднять на нас глаза, последовала за Лесей. Дверь захлопнулась с такой силой, что вагон вздрогнул.

– Идиотка! – повторил Влад, но уже вяло. Рассматривая свою поцарапанную шею в зеркало, он несколько раз ударил кулаком по перегородке.

– И чего ты так завелся? – сказал я. – Ошиблась девчонка, с кем не случается.

– Да она не просто ошиблась! – снова попытался разжечь себя Влад, но у него ничего не получилось. Он понял, что перегнул палку. – Она издевалась над нами! Два здоровых мужика стояли на задних лапках перед какой-то курицей!

Он сел на диван, вытащил из нагрудного кармана расческу и пригладил волосы над ушами.

Вагон дрогнул. Раскаленный перрон вместе с чалмами, халатами, тюбетейками и мешками поплыл в сторону.

– Поехали, – сказал Влад, глядя в окно, и добавил на прежнюю тему: – А ты видел, как она испугалась, когда мумие из рюкзака вывалилось?

– Его в самом деле нельзя вывозить? – спросил я.

Влад пожал плечами:

– А черт его знает! Это я всего лишь предположил.

– Ну, вот, – сказал я с укором. – Обломал девчонке контрабанду. Если таможенники найдут у нее эти пакеты, Леся будет уверена, что это ты «настучал».

– Ну и ладно, – отмахнулся Влад, резким движением руки сдвигая дверь в сторону. – Проводник!! – громко крикнул он, высунув голову в коридор. – Когда чай будет?

Глава 4

Проводница со своими маленькими живыми глазками, темными волосами, гладко зачесанными наверх, и полненькими смуглыми щечками напоминала артистку, исполняющую роль бобрихи или крысы Шушеры. Одета в белоснежную рубашку с погончиками и синюю юбку, строгая и немногословная, она олицетворяла в замкнутом мире вагона власть и порядок. Она зашла к нам в купе, села на диван, раскрыла кожаную папку с ячейками, напоминающую кассу букв и слогов, но в первую очередь потребовала не билеты, а документы.

– И давно в туркменских поездах проводники проверяют паспорта? – задал праздный вопрос Влад, расстегивая на поясной сумочке замок-«молнию».

Мне послышались в этом безобидном вопросе отдаленные раскаты грома приближающейся грозы, и я незаметно наступил Владу на ногу.

– С сегодняшнего дня, – ответила проводница, раскрывая мой паспорт и сличая фотографию с натурой.

– И чем, интересно, вызвано столь пристальное внимание к пассажирам? – продолжал допытываться Влад.

– Вы что, телевизор не смотрите, радио не слушаете?

– Нет! – хором ответили мы с Владом.

– Террористы ворвались в научно-исследовательский институт и похитили контейнеры... с этими... Как эта ерунда называется? С изотопами! Ночью была стрельба, несколько человек убито и ранено.

– Надеюсь, поймали их? – спросил я, протягивая проводнице деньги за постель.

– Как же, поймаешь! Наша милиция только штрафы брать может и багаж пассажиров перетряхивать... Нет, за постель ничего платить не надо, все входит в стоимость билета.

– А какой институт? – спросил Влад. Моего ученого Кинг-Конга интересовало все, что в той или иной степени было связано с наукой.

– Говорят, что при советской власти это был институт по ядерным исследованиям. А как Союз развалился, институт закрыли и все его хранилища опечатали. Огромная территория за колючей проволокой. Охраняли милиционеры и собаки. Но, как выяснилось, и те, и другие зря хлеб ели... В купе не курите и не сорите, пожалуйста, мусор в окно не выкидывайте!

Закончив проверку билетов и инструктаж, проводница удалилась. Мы с Владом переглянулись.

– Вот как! – сказал Влад. – Везде террористы. Даже в этой пустыне. Только смысла проверки паспортов я не понял. Она что там искала? Штамп «Террорист»?

Я пожал плечами и намотал на шею полотенце.

– Правильно! – одобрил мое решение Влад. – Руки надо помыть. А я сейчас накрою поляну. Ты не забыл, что я обещал тебе ледяное шампанское?

К моему другу снова возвращалось хорошее настроение, и оно невольно передалось мне. Покачиваясь вместе с вагоном и насвистывая мелодию, я вышел в коридор. Он был пуст, если не считать женщины зрелого возраста с пышной прической и в непроницаемо черных очках, одетой в темный деловой костюм. Она мне почему-то сразу напомнила директора предприятия или же банкира – у тех всегда малозапоминающиеся типовые лица. Полупрозрачный платок, придерживающий прическу, был завязан на шее, и невесомые концы трепыхались на легком сквозняке. Когда она прошла мимо меня, мне показалось, что меня завалили цветами – мощный и густой запах духов струился за ней.

Я пошел вслед за дамой, не зная, куда деть глаза, чтобы не смотреть на нее слишком откровенно. Двери всех купе были открыты, и я с удивлением обнаружил, что за исключе-

нием трех или четырех купе все остальные были пусты. Хваленый фирменный вагон, билеты на который Влад якобы достал по великому благу, шел едва ли не порожняком.

Дама поравнялась с купе проводницы. Она либо забыла о моем существовании, либо не сочла нужным убрать свой впечатляющий круп с прохода, и я вынужден был остановиться.

– Милая, – сказала дама проводнице. – В вагоне полно свободных мест, а я вынуждена ехать в одном купе с мужчиной... Ладно, с обыкновенным мужчиной, а то ведь с негром!

Не знаю, когда проводница успела устать, но она с таким мученическим видом закатила глаза, словно ее донимали по всяким пустякам уже несколько суток подряд, не давая ни есть, ни спать.

– Дайте ваш билет! – раздраженно выговорила она. – Занимайте любое место, какое вам понравится!

– Благодарю, милая! – обаятельно улыбнулась дама. В ее длинных и тонких пальцах, словно по волшебству, вдруг появилась купюра. Дама взмахнула ею, как веером, и, уже не глядя на то, как проводница мгновенно стала счастливой, повернулась и пошла на меня. Я едва отскочил в сторону и прижался спиной к окну. Я снова попал под обвал цветов.

Туалет был настолько неправдоподобно чистым, что я на английский манер помылся в нем с ног до головы. Когда я снова вышел в коридор, проводница на повышенных тонах разговаривала с очень толстым мужчиной, также одетым в униформу железнодорожника, только звездочек на его погонах было больше. Возможно, это был бригадир поезда.

– Я тут принимаю решение!.. Пять, шесть... Семь, восемь... – необычно тоненьким голосом говорил толстяк, медленно продвигаясь по коридору и заглядывая в пустые купе, считал свободные места. При этом он так тряс своим коротеньким пальчиком, словно это был священник, освящающий вагон святой водичкой.

– Узрет Рустамович, вы не имеете права сажать новых пассажиров на места, которые уже проданы! – сердито, на повышенных тонах, отвечала проводница. – Может быть, это на вашей железной дороге такие правила, а в Узбекистане действуют другие законы!

– Вот когда мы приедем в Узбекистан, тогда и будем действовать по вашим законам, – спокойно отпарировал бригадир. – Девять, десять...

Я сочувствовал проводнице. Конечно, ей бы хотелось, чтобы в вагоне было так же малоллюдно, как сейчас, – меньше уборки. Но бригадир, кажется, был намерен отдать свободные места на продажу.

– Имейте совесть! – продолжала возмущаться проводница. – Люди, может быть, заблаговременно купили билеты в Небит-Даге, а подсядут на следующей станции! Или опоздали на поезд и догоняют нас на автомобилях!

– Что, все двенадцать пассажиров одновременно отстали? – развел бригадир руки в стороны.

– Может быть, это спортивная команда?

– А может быть, компьютерный сбой. И мы будем везти воздух, вместо того чтобы бороться за прибыль.

– Только не надо мне говорить про компьютерный сбой! – махнула рукой проводница и опустила глаза. – Я знаю, как это называется.

– Ну, как?... Нет, вы скажите, раз начали!

– Боюсь, что вы сами будете не рады, Узрет Рустамович!

– А вы не бойтесь!

– Мошенничество! Вот что это такое! – выпалила проводница и, словно прикрываясь щитом, добавила: – Имейте в виду, по прибытии я доложу об этом начальнику смены.

– Хорошо! – неестественно оживился бригадир. – Хорошо! Все кругом свидетели!.. Вот вы, молодой человек, – показал он на меня пальцем, – свидетель! Завтра утром я соберу все билеты и паспорта ваших пассажиров, и проверим, кто и на какую фамилию покупал билет.

А потом будем разбираться, почему эти пассажиры оказались в вагоне! Будем разбираться! Будем!

Дама в прозрачном платке и черных очках, которая, как и я, была свидетелем конфликта бригадира с проводницей, выволокла из последнего, девятого, купе внушительных размеров чемодан и кинула его мне на ногу. Следом за ней из купе показалось черное, с расплюснутым носом и мясистыми губами лицо негра. Он белозубо улыбнулся и негромко возопил:

– Куда же вы! Подоштите!

Он неплохо шпарил по-русски, только букву «ж» произносил не совсем уверенно. Убедившись, что дама категорически отказывается находиться с ним в одном купе, негр снова улыбнулся, на сей раз мне, и пожал плечами.

– Бойтся моего лица, – пояснил он мне и, оскалив зубы и сведя зрачки к носу, очень правдоподобно зарычал, здорово напоминая живущего в джунглях примата. Впрочем, через минуту я понял, что этот симпатичный парень прав был отчасти. Закончив разыгрывать спектакль, он показался в дверном проеме в полный рост, и, к своему ужасу, я увидел, что из одежды на нем лишь узенькие плапочки, которые надевают на соревнования по бодибилдингу спортсмены. Тонкая белая ткань почти не прикрывала ягодицы негра и очень символически – его детородный орган. Завалившись на диван, чернокожий закрыл лицо свежим номером «Плейбоя».

– Вы не поможете мне? – тоном приказа спросила дама, кивая на чемодан.

Я взялся за ручку чемодана и оторвал его от пола. Дама пошла вперед, заглядывая в каждое купе.

– Нет, – критически оглядывая диваны, покрытые девственно-чистым бельем, говорила она и шла дальше. – Нет, не здесь... Я хочу подальше от этого страшилища... Вот тут, пожалуй.

Она вошла в купе под номером три, но не села на диван, словно боялась, что я расценю это как приглашение к общению, а встала в дверях лицом ко мне.

– Спасибо. Бросьте его, все равно разбирать!

– Вы до Ташкента? – зачем-то спросил я, хотя мне было все равно.

Дама улыбнулась, набрала в грудь воздуха и, пропустив ответ, сказала:

– Спасибо!

– Как вас зовут? – не сдавался я.

– А вы уверены, что вам надо это знать?

– Нет, – признался я, удивляясь тому, как сильно на меня действует синдром командировки. – Просто нас здесь не так много, можно и представиться друг другу. К примеру, я встречу вас утром в коридоре и скажу: «Доброе утро!» и назову по имени. И вам будет приятно.

– Людмила, – призналась дама, но скорее всего это был псевдоним. – Можно просто Мила... Будьте здоровы!

Она решительно задвинула дверь, и благодаря этому финалу я смог, наконец, вернуться к Владу. Когда я открыл дверь, то в первое мгновение не мог поверить своим глазам: напротив Влада, дружно хихикая и сжимая в руках запотевшие бокалы с шампанским, сидели уже знакомые мне девушки – Регина и Леся.

– Заходи! – широко взмахнул своей ручищей Влад. – И дверь закрывай, чтобы посторонние не глазели. С нами, говорят, негр едет?

Я покосился на стол. Пока меня не было, мой друг вместе с девчонками успел опустошить две бутылки шампанского. Закинув полотенце на полочку, я сел рядом с Владом. Регина, очень хорошо улыбаясь, протянула мне свободный стакан, а Влад налил в него остатки шампанского из бутылки.

– Давай за дружбу!

– Как? Уже за дружбу? – удивился я, переводя взгляд с Регины на Лесю и обратно.

– А какие проблемы? – вскинула тонкие брови Леся. Она сидела, откинувшись спиной на подушки, и покачивала ножкой, туго обтянутой джинсами-резинками. – Почему мы не можем выпить за дружбу?

– А потом за любовь, – тихо добавила Регина, спрятав губы в бокале.

– Я повинился перед ними, – объяснил мне Влад. – Все мы немножко погорячились, и я в том числе. Спорить было не о чем, вагон почти пустой.

Влад, оказывается, успел все разведать и не хуже меня знал про негра и пустые места. Я подумал, что его покаяние перед девчонками преследовало вполне практичную и меркантильную цель. Наверное, пока я мылся, Влад обследовал вагон и понял, что стоит перед жесткой дилеммой: если он не сумеет наладить контакт с Лесей и Региной, то ему придется проводить досуг с негром или зрелой дамой в очках.

И все пошло по известному сценарию. Мы пили шампанское, трепались о красоте Копетдагского хребта и Каракумов, где так интересно путешествовать, собирать гербарий и красивые камешки. Влад, захмелев, вскоре перешел на анекдоты, причем предпочтение отдавал эротической теме. Девчонки хихикали, Влад регулярно выходил из купе и приносил откуда-то ледяное шампанское, потом Леся оказалась рядом с ним, а Регина – со мной, но все же мне никак не удавалось расслабиться и, подобно Владу, получать удовольствие от поездки.

За окнами стемнело, на изнуренную солнцем пустыню опустилась душная южная ночь. Сколько я ни смотрел в окно, ничего не смог увидеть, кроме собственного отражения. Казалось, поезд никуда не едет, а лишь качается под аккомпанемент шумовых эффектов, находясь в закрытом темном ангаре. Проводница, заглянув к нам, предложила чаю, но мы все хором отказались, так как были переполнены шампанским.

– Как хотите, – двусмысленно ответила она, почему-то с укором взглянув на меня, и вышла. Через минуту мы услышали, как она громко ругается с негром. Я приоткрыл дверь и выглянул в коридор.

Негр, одетый в безумно яркий красный костюм, пытался провести из соседнего вагона в свое купе весьма страшненькую «восточную красавицу», а наша честная проводница, закрыв своей грудью проход, воинственно размахивала руками и кричала:

– Посторонним запрещен проход в вагон! Пусть покажет билет, и тогда я ее пропущу! И разговора быть не может! Марш отсюда, пока я бригадира не вызвала!

Несчастный негр прижимал черные руки к груди, что-то пытался ей объяснить на сносном русском, но проводница твердо стояла на своем:

– Я не позволю превращать вагон в бордель! И не суйте мне свои грязные деньги! Девушка, немедленно вернитесь в свой вагон!

Не знаю, чем закончился этот поединок, но мне все равно стало жалко негра. У бедолаги неудача следовала за неудачей.

Ближе к полуночи Влад стал подавать мне какие-то сигналы глазами, и я не сразу понял, что он предлагает мне с Региной удалиться. Когда же понял, то терпение у Влада уже иссякло, и он, облапив Лесю, вместе с ней вывалился в коридор.

Регина сама закрыла за ними дверь. У меня не было никакого настроения делить постель с этой худенькой и малознакомой девицей, но, будучи воспитанным джентльменом, не посмел выставить ее за дверь. Пришлось с деланным интересом расспрашивать Регину про ее родной Ашхабад, в который она ехала, о ценах на продукты и одежду, про мумие и его целебные свойства.

Эта болтовня Регине быстро надоела, она откровенно облизывалась, глядя на меня, и ерзала, как Киса Воробьянинов, сидя на стуле у мадам Грицацуевой. Наконец, не выдержала и спросила:

– А хочешь, я сделаю тебе массаж? Знаешь, что такое тайский массаж?

В общении с женщинами меня никогда не заставишь делать то, чего я не хочу. Я зевнул. Глаза мои слипались. Если Влада шампанское возбудило, то на меня подействовало как снотворное.

– Знаешь что, девочка, – сказал я, принимая горизонтальное положение. – Приходи-ка ты утром.

Я откровенно ее послал, но Регина не обиделась и продолжала гнуть свое. Я впервые в жизни встречал такую целенаправленную натуру.

– Вот и хорошо, – сказала она, опускаясь передо мной на корточки и проводя тонкими пальцами по моей щеке. – Закрой глаза, расслабься. Я все сделаю сама.

И ее рука стремительно и легко скользнула мне под ремень джинсов.

Можно было плюнуть на все и позволить ей довести себя до кондиции, но что-то удерживало меня от этой утехи. Я сам не мог понять, в чем причина едва уловимой, смутной тревоги.

– Подожди, – сказал я ей, отталкивая ее руку и поднимаясь с дивана.

– Ты куда? – спросила Регина.

Я взял с полочки полотенце – только лишь с той целью, чтобы девушка не задавала мне лишних вопросов, и открыл дверь. Выйдя в безлюдный коридор, я посмотрел по сторонам и не совсем уверенно направился в сторону ближайшего умывальника. За моей спиной, где-то в начале вагона, недалеко от купе проводницы, клацнула защелка двери. Я обернулся. Неприятное чувство, словно за мной кто-то следил, охватило меня. Там, в первых купе, могла находиться лишь Мила, дама в очках.

Повинуясь странному желанию ворваться к ней и застать ее за каким-то порочным занятием, я повернулся и медленно пошел по коридору. Но не успел сделать и трех шагов, как даже не услышал, а почувствовал, что сзади на меня стремительно надвигается что-то большое и страшное.

Я обернулся и невольно вскрикнул, с трудом узнав Влада с залитым кровью лицом.

Глава 5

Он не был похож на самого себя. Грудь вздымалась и опускалась от частого дыхания, глаза беспокойно бегали, а когда он схватил меня за плечо, я заметил, что его пальцы дрожат.

– Здесь никого не было?! – отрывисто прошептал он.

– Что с тобой?! – воскликнул я, глядя на голову Влада и пытаюсь найти рану.

– Долбанули по балде, – произнес он. – Чем-то тяжелым.

– Кто?!

– Да не знаю я! Давай пройдем в тамбур, посмотрим.

– Куда тебе идти! – крикнул я, хватая Влада за руку. – Тебя перевязать надо. Может, у тебя дырка в голове!

За нами кто-то приглушенно вскрикнул. Я обернулся и увидел Лесю, вышедшую из умывальника. Обеими руками она прижимала ко рту полотенце. Ее блеклые, отмытые от косметики глаза выражали немой ужас.

– Не ори! – махнул на нее Влад. – Марш в купе!

– Что с тобой? – негромко простонала она.

– Послушай, – обратился я к девушке, – если у тебя есть бинт и вата, принеси, пожалуйста.

Леся, все еще не в силах оторвать взгляда от окровавленной головы Влада, медленно поплелась в свое купе.

– Сядь! – приказал я Владу, оттягивая откидной стульчик, и, когда мой друг сел, осмотрел рану. На затылке, чуть выше уха, чернел рубец длиной в три-четыре сантиметра. Кровь уже не шла, запекшись вишневым сгустком. Слипшиеся волосы торчали короткими шипами.

– Ну, что там? – спросил Влад. – Мозги вылезли?

– Кажется, только кожа распорота, – ответил я. – Удар пошел по касательной, это тебя и спасло. Попал бы он по темечку – раскроил бы череп.

– Что-то очень тяжелое было, – сказал Влад, сидя смирно, как на приеме у врача. – Мне показалось, что башка взорвалась.

– Так где тебя долбанули? Ты что, спал?

– Да не спал я! – дернул головой Влад и, покосившись на дверь купе, в которое зашла Леся, добавил тише: – В общем, эта моя пигалица пошла в умывальник... А заводная баба, скажу тебе! Она такое вытворяла! – отвлекся от темы Влад, и я понял, что положение его не столь тяжелое, как могло показаться.

– Ну, дальше!

– Она вышла, а дверь за собой не закрыла. А я лежал на спине головой к окну и, естественно, ничего не видел. Минуты три прошло или пять, и мне по балде ка-а-а-к...

– Ты что, даже шагов не слышал?

– Нет, ничего не слышал. Мне кажется, я даже на пару минут отключился. И, знаешь, я не то чтобы увидел, а скорее почувствовал, что человек был огромный, сильный, какой-то темный...

– Тише, не ори! – придержал я эмоции Влада, оглядываясь по сторонам. – Не нравится мне все это.

– А мне, думаешь, нравится?

Из купе вышла Леся. Я не мог не заметить резкую перемену в ее настроении. Она уже не смотрела на Влада со страхом и сочувствием. Глаза ее, как в момент нашей первой встречи, горели жестоким, мстительным огнем. Швырнув мне в лицо упаковку стерильного бинта, она зло спросила:

– Регина где?

– В нашем купе, – ответил я.

Девушка прошла мимо нас, обдав запахом цветочного мыла, и рванула ручку двери на себя. Регина, совершенно голая, ослепленная ярким светом коридора, отшатнулась от прохода, села на диван и, глядя дурными глазами на подругу, стала натягивать на себя простыню. Она ожидала увидеть меня, а увидела Лесю с таким нехорошим выражением на лице. Я бы тоже испугался.

– Поздравляю! – язвительно сказала Лесья Регине. – Нас обокрали. Мой кошелек пуст.

Регина ахнула и, забыв про стыдливость, на ходу упаковывая себя в простыню, кинулась в коридор. Влад оживал прямо на глазах. Успев разглядеть некоторые фрагменты ее тела, он с мужской солидарностью глянул на меня и подмигнул.

Я пошел вслед за девушками и встал напротив двери. Регина нагнулась, выволакивая из-под столика сумку, просунула руку в раскрытую секцию, пошарила там рукой и, выпрямившись, со слезами в голосе сказала:

– Ни кошелька, ни золотых сережек, ни цепочки!

– Превосходно! – процедила Лесья и почему-то кинула на Влада недобрый взгляд.

– Много было денег? – спросил я.

– Почти штука баксов, – слабеющим голосом ответила Регина, опустилась на диван и закрыла лицо руками. – Все, что я в Небит-Даге за месяц заработала.

– Ладно тебе сопли распускать! – прикрикнула Лесья и добавила с плохо замаскированным намеком: – Разберемся.

Влад, не дожидаясь меня, кое-как намотал бинт на голову, и его скрученный в спираль конец свисал у него перед ухом, как пейсик.

– Ну и мужики пошли, – сказала Лесья Регине, но достаточно громко, чтобы эти слова слышали мы с Владом. – На несколько минут купе доверять нельзя.

Она порылась в рюкзаке и вытащила оттуда небольшой туристский тесак с деревянной ручкой.

– Оставайся тут! – сказала она подруге, вышла в коридор и направилась в конец вагона, где находился умывальник, из которого она не так давно вышла.

– Ты куда? – крикнул я.

– Без сопливых обойдемся! – не обернувшись, ответила Лесья, воинственно сжимая тесак в руке.

Я кинулся за ней. Влад, естественно, тоже не усидел на месте. Невольно кинув взгляд на черные окна, я едва не расхохотался. Мы очень были похожи на цирковых клоунов, пародирующих отважное войско. Лесья, самая маленькая из нас, шла впереди, и тесак в ее руке смотрелся как пистолет. За ней – я, с напряженным лицом Рэмбо. И замыкал колонну долговязый Влад с перебинтованной головой и выпачканным в крови воротом безрукавки.

– Когда я зашла в умывальник, то слышала чьи-то торопливые шаги и громкий хлопок дверью, – тихо пояснила Лесья, остановившись перед тамбуром.

– Погоди, – сказал я, отстраняя девушку в сторону. – Я первый.

Она подчинилась, но Влада не пустила следом за мной. Я взялся за ручку и распахнул дверь. Тамбур, как и следовало ожидать, был пуст. Громыхали и клацали на стыках рельсов колеса, пахло углем и мазутом.

– Пойдем дальше, – предложила Лесья.

Я с сомнением глянул на Влада и покачал головой. Если вор перешел в другие вагоны, что было само собой разумеющимся, то шансы найти его среди сотен спящих пассажиров были ничтожны. Впрочем, девушка думала иначе и решительно схватилась за ручку следующей двери, ведущей на переходной мостик.

– Помогите же! – крикнула она, не в силах справиться с дверью.

Влад ударил по ручке, словно кувалдой, и дернул дверь на себя.

– Она заперта, – сказал он.

– Проводница заперла ее на ночь, – пояснил я Лесе, – чтобы сюда не ходили «восточные красавицы»... Не мог вор уйти в другие вагоны, ясно?

– Что значит – не мог? – спросила она таким тоном, словно я был сообщником вора и создал ему условия для побега. – А куда он в таком случае подевался?

Я пожал плечами и сказал то, от чего у меня самого мурашки побежали по спине:

– Если не выпрыгнул из вагона, значит, он никуда не делся. Он в вагоне.

Лесе не понравилась эта версия. Она принялась дергать ручки входных дверей.

– Обе заперты, – пришла она к выводу и в сердцах пнула по двери ногой.

– Плохи дела, – произнес Влад и вопросительно взглянул на меня, словно ждал от меня подтверждения этого вывода.

– Вот что, девочка, – сказал я Лесе, взяв ее под локоть. – Ты сама видишь – здесь происходят не совсем хорошие дела. А поэтому очень советую тебе запереться в своем купе и до утра оттуда не выходить.

На излишне самоуверенных и эмансипированных пацанок лучше всего действует сила мужской логики. Как бы то ни было, но подчинение более властному человеку заложено в каждой женщине на генетическом уровне.

Леся недолго колебалась, затем повернулась и пробормотала:

– Хорошо. Но если вы все-таки его поймаете, то приведите ко мне, я ему глаза выцарапаю.

– А почему ты говоришь «ему»? – для чего-то уточнил Влад. – Может быть, «ей»?

– Вы же сами говорили – «вор», – не задумываясь, ответила Леся. – Если бы это была женщина, вы бы сказали «воровка».

Мы довели девушку до купе. Леся сдвинула дверь, но внутрь не вошла, застыв на пороге.

– Регинка пропала!

– Ладно тебе, не пугай! – изменившимся голосом произнес я. – Слова такие подбираешь...

– Тихо! – вскинул палец Влад.

Мы замерли, прислушиваясь к стуку колес. Мгновение спустя я понял, что привлекло внимание Влада. Из крайнего купе доносился тихий стон.

Влад первый кинулся по коридору. Купе негра было заперто.

Я, Леся и Влад плотным строем встали напротив двери. Изнутри доносился тяжелый стон. Я постучал костяшками пальцев:

– Эй, товарищ! Откройте! Как вас там?... Господин негр!

Стоны прекратились. Мы переглянулись. Влад двинул по двери ногой.

– Немедленно откройте! – зловещим басом сказал он. – Полиция!

Эти слова подействовали, как пароль. Клацнул замок, дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы в образовавшуюся щель могла протиснуться голова негра. Он блеснул снежными белками глаз, оглядывая «полицию», и, увидев меня, почему-то несказанно обрадовался. Сверкнув зубами, чернокожий воскликнул:

– О! Друг! Извини! Я занят!

– Пропала девушка, – мрачным голосом сказал Влад, на всякий случай просовывая ногу в щель. – Ее зовут Регина.

– Да здесь я, здесь! – раздался приглушенный голос Регины из купе.

– Да! Да! – охотно подтвердил негр. – Она здесь!

– Предупреждать надо, когда уходишь, – недовольно проворчала Леся и приукрасила: – Битый час по всему поезду тебя разыскиваем.

– Мошет быть, вы хотите к нам? – вдруг осенила негра свежая идея, и, как горилла на банан, он посмотрел на Лесю. – В тесноте не обишай, – по-своему пересказал он поговорку. – Будет весело. Будем делать бино-мино!

– Никаких бинов-минов и йохимбов! – строгим голосом заклётого пуританина ответил Влад. – Имей в виду, если с нашей девушкой что-нибудь случится...

– О! – перебил негр. – Такого быть не мошет! Меня зовут Дшонсон! – протянул он свою черную руку Владу. – Я студент! Все будет хорошо!

– Джонсон и Джонсон, – вздохнул Влад, пожимая руку негра. – Мы заботимся о вас...

– Я тебя жду в купе, Регина! – громко сказала Леся, глядя себе под ноги.

Лицо Джонсона растаяло в темной утробе купе, как капля чернил в чернильнице. Дверь захлопнулась.

– Чао, мальчики! – не глядя на нас, сказала Леся, вяло махнув рукой. – Праздник не получился.

Она зашла в свое купе, тихо прикрыла дверь и щелкнула замком.

Я взглянул на Влада и поправил повязку, сползшую ему на глаза.

– Тебя бы врачу показать.

– Брось! – махнул рукой Влад. – На мне все заживает как на собаке. Но все-таки хотел бы я знать, что это за собака, которая шарахнула меня по балде.

Я прижал палец к губам и шепотом сказал:

– Сейчас покажу.

Мы дошли до купе под номером три. Влад вопросительно взглянул на меня, словно хотел узнать, какого черта я здесь забыл и почему у меня такой загадочный вид. Хорошо, что он все-таки не спросил. Интуиция – это такая вещь, которая, как и аксиома, не поддается доказательству. Я чувствовал, что, внедрившись в купе дамы в очках, мы узнаем нечто очень любопытное, но почему я так решил – объяснить не мог.

Не дожидаясь, пока меня начнут одолевать сомнения, я схватился за ручку и рванул дверь в сторону. Нашим глазам представилась смятая постель, остатки колбасы и сыра на тарелке и ополовиненная маленькая бутылочка коньяка. Милы в купе не было.

– Где она? – спросил Влад, словно я мог тотчас ответить на этот вопрос.

Вместо ответа я пошел дальше по коридору, открывая двери свободных купе. Все они оказались пусты.

Собственно, ничего особенного в том, что мы не обнаружили даму в своей постели, не было. Она могла выйти в туалет или в рабочий тамбур покурить. Может быть, она пошла вечером в вагон-ресторан, засиделась там и не смогла вернуться в наш запертый вагон. Это было ее право. Но великая вещь – азарт! Влад, обуреваемый желанием найти и наказать своего обидчика, уже не ведал про чьи-либо интересы или права.

– Та-а-ак! – с умным видом протянул он, вращая головой с такой силой, что конец бинта едва ли не хлестал меня плетью по лицу. – Хороши порядочки! Одному ни за что ни про что дали по балде, второй посреди ночи бино-мино устроил, третья вообще неизвестно где болтается! А проводница, наверное, десятый сон досматривает!.. Я наведу тут порядок! Я сейчас с каждым разберусь в отдельности!

Он прошел мимо купе проводницы, титана, встал напротив туалета и мягко надавил на ручку.

– Пожалуйста! – взмахнул он руками и самодовольно усмехнулся, словно сделал научное открытие. – Заперта!.. Будем ждать!

Сложив на груди руки, он оперся о перегородку. Его терпения хватило на полминуты.

– Эй, мадам! – крикнул он в щель между дверью и перегородкой. – Вы в вагоне, между прочим, не одна!

Я вздрогнул от тихого щелчка, раздавшегося за моей спиной. Обернувшись, я с удивлением увидел, как из купе проводницы вышла Мила. Мне показалось, что она усилием воли убрала с лица выражение испуга.

– Ага! – обрадовался Влад. – Вот вы, оказывается, где!

Мила была в домашнем халате и тапочках. Наверное, у нее было не в порядке с глазами, потому что даже сейчас она оставалась в черных очках. Сунув руки в карманы халата, дама натянуто улыбнулась.

– А разве вы меня искали? – спросила она.

– Представьте себе, да! – ответил Влад. – Нас очень интересует вопрос: почему вы не в своей постели и не спите?

Влад, кажется, перегнул палку. Он стремительно нагнул и не чувствовал меры.

– Хорошенький вопрос! – усмехнулась дама. – Вы уверены, что я стану на него отвечать? Позвольте полюбопытствовать в свою очередь: кто вы такой и почему так орете?

– Потому что я жертва преступления и представитель возмущенной общественности! – выдал Влад, и я с трудом подавил улыбку. – До прибытия милиции я беру на себя ответственность разобраться в происшедшем.

– Ага, понятно, – кивнула Мила и отступила от Влада на шаг. – И жертвой какого преступления вы являетесь?

– Вы что?! – выпучил глаза Влад. – Вы посмотрите на мою голову! Какая-то негодзяка ударила меня, когда я отдыхал!

– Я очень вам сочувствую, – сказала Мила. – А что конкретно вы хотите от меня?

– Я хочу получить вразумительный ответ на вопрос: что вы здесь делаете? Зачем вы заходили к проводнице?

– Мне нужна была минеральная вода, чтобы запить таблетку анальгина, – ответила Мила. На ее губах играла улыбка, а в голосе звучала ирония. – А теперь я отправляюсь спать. Спокойной ночи, господа!

Влад кинул на меня растерянный взгляд. Его остроумие и фантазия иссякли. Он не знал, о чем еще можно спросить даму.

– Черт возьми, – пробормотал он. – Вагон заперт, посторонний зайти сюда не мог, из пассажиров здесь только две девчонки, Йохимбе-экстракт да вы, мадам, а мне кто-то едва не проломил башку!

– Может быть, вам это лишь показалось? – сказала Мила. Ее взгляд теплел. – Бывает, в поезде выпьешь немного, а так укачает, так развезет, что запросто можно с полки свалиться и сильно удариться.

Эта мысль показалась мне интересной, и я вопросительно посмотрел на Влада. Когда до него дошло, что дама имела в виду, он взревел:

– Да пожалейте себя! Я выпил всего пару бутылок шампанского, когда мне, чтобы немного захмелеть, два литра водки надо! Повторяю для тугодумов: я лежал на диване и не падал с него! Дверь в купе была открыта настежь! Кто-то тихо подошел ко мне и ударил чем-то тяжелым. Какие еще вопросы?

– Все это, конечно, очень странно, – сказала дама и, ухватившись за поручень окна, попыталась его опустить. – Вам не кажется, что здесь невыносимо душно и пахнет чем-то плохим?

Лично я этого не заметил. В вагоне работали кондиционеры, и воздух был достаточно свежим и прохладным.

– Помогите же кто-нибудь! – капризно попросила Мила.

Я вместе с ней схватился за поручень и повис на нем. Окно даже не дрогнуло.

– Оно заперто, – сказал я.

– Жаль, – ответила Мила и зевнула. – Вынуждена покинуть вас. Еще раз – спокойной ночи!

Мы с Владом кивнули. Мила зашла в купе, закрыла дверь и заперлась на замок.

– Надо выломать дверь туалета, – сказал Влад. – Этот гад точно там сидит!

– Зачем выламывать, если можно открыть ключом? – возразил я. – У проводницы есть накидной ключ, которым запираются все двери в вагоне.

– Что ж, – произнес Влад. – Придется побеспокоить проводницу. Ты стой около туалета, а я попрошу ключ.

Я занял позицию напротив пластиковой двери с табличкой «WC», на всякий случай выдвинув вперед левое плечо, чтобы при необходимости нанести правой рукой прямой удар. Влад, тихо постучавшись, медленно сдвинул дверь купе проводника и просунул внутрь голову. Я видел, как он замер и еще сильнее подался вперед. Затем вдруг с силой раскрыл дверь до упора, нырнул в купе, и через мгновение я услышал его взволнованный голос:

– Кирилл! Иди сюда!

Предчувствуя недоброе, я шагнул к купе и заглянул внутрь.

В ноздри шибанул тяжелый тошнотворный запах. Проводницы в купе не было. Влад стоял спиной к приборной панели, глядя на полку. Я опустил глаза и почувствовал, как внутри у меня все сжалось и похолодело. Скомканная простыня была не просто выпачкана, она была вся пропитана кровью и слизью, в которой залипли костные крошки и пучки черных волос, как если бы в этой простыне был завернут расчлененный труп.

Глава 6

– Что это? – пятясь назад, спросил Влад. – Это кого здесь истязали?

Он потянулся рукой к полотенцу, которым был накрыт столик.

– Не прикасайся ни к чему! – крикнул я, хватая Влада за руку. – Пошли отсюда! Где эта очкастая змея?

Мы вывалились из купе. Влад задвинул дверь и с опозданием отдернул от ручки пальцы, словно его ударило током.

– Черт! – сказал он, рассматривая ладонь. – Я оставил свои отпечатки.

Я махнул рукой и кинулся по коридору. Сейчас куда важнее было не дать уйти Миле, тогда не надо было бы беспокоиться про отпечатки. Остановившись напротив ее двери, я перевел дух и дернул за ручку. Дверь была заперта.

– Мила! – крикнул я. – Немедленно откройте! Иначе я вышибу дверь! Вы меня слышите?

Влад, приподняв край повязки, освободил ухо и прижался им к двери.

– Что-то шуршит, – сказал он. – Давай ломать.

Это был тот редкий случай, когда можно было ломать без всяких последствий, и Влад не мог им не воспользоваться.

– Да погоди ты! – поморщился я. – Успеешь еще. Вон дверей сколько!.. Мила! Давайте поговорим по-хорошему! – снова крикнул я, едва не касаясь губами щели. – Какой смысл вам прятаться, если вы сами понимаете, что вляпались. Откройте дверь, я устал кричать.

– Откройте, откройте! – поддакнул Влад. – Не вынуждайте меня наносить материальный ущерб туркменскому государству.

Неожиданно клацнул замок, и мы с Владом одновременно отпрянули от двери. Дверь отъехала в сторону, и я тотчас почувствовал запах жженой бумаги.

– Вы тут что-то сожгли!! – обрадованно закричал Влад, сдвигая дверь в сторону до упора и подпирая ее ногой. – Все ясно! Вот теперь нам все ясно.

Владу, как и мне, ничего не было ясно, но он брал Милу на пушку. Впрочем, его «пушка» была примитивной и даже нелепой, но Мила, которая стояла на пороге, закрывая собой вход, вдруг заметно побледнела.

– Ну, хватит кричать, – негромко сказала она, испуганно выглядывая в коридор. – Зайдите!

Мы не ожидали, что Мила начнет так стремительно «колоться». Влад нерешительно потоптался на входе, потом обернулся, словно хотел убедиться, что я следую за ним и готов в случае чего помочь ему справиться с хрупкой женщиной.

Мы с Владом сели на диваны друг против друга, а Мила аккуратно оперлась крупом о столик, где в пустой консервной банке еще тлела бумага. В купе горел только ночник и было достаточно сумрачно. Может быть, поэтому дама, наконец, сняла солнцезащитные очки и, покусывая кончик дужки, с прищуром посмотрела на нас.

– Вы ведь на кого-то работаете, – уверенно сказала она. – Я права?

Мы с Владом недоуменно переглянулись. Мила поняла это так, что она нас раскусила.

– Может быть, я вам заплачу, чтобы вы молчали? Сами понимаете, огласка мне ни к чему. Да и не стоит раздувать сенсацию из пустяка. Так ведь, господа?

Она подбирала какие-то странные слова, когда суть проблемы можно было изложить одной простой фразой.

– Вот что, – обратился к Миле Влад, опередив меня. – Платить нам не надо, мы сами кому хочешь заплатим. Ваши деньги не решают проблемы.

– А что решает? – вкрадчиво спросила Мила.

Я смотрел на нее, на небольшие, подслеповатые глаза, и ее лицо казалось мне знакомым, но мне никак не удавалось вспомнить, где я ее видел.

– Видите ли, мадам, – снова сказал Влад. – Мы с другом бизнесмены, и нам дорога каждая минута. Потому нам не хотелось бы тратить время на милицию, давать показания, оправдываться, доказывая свою невиновность.

– А при чем здесь милиция? – насторожилась Мила. – Вы что имеете в виду?

– А вы что? – задал встречный вопрос Влад. – Зачем вы притворяетесь, будто не знаете, о чем речь?

Мила кидала быстрые взгляды то на меня, то на Влада.

– Поконкретнее, пожалуйста, – попросила она. – Я что-то не могу уловить вашу мысль. Почему вы должны оправдываться перед милицией?

– Да потому, что если мы вас отпустим, – раздраженно ответил Влад, – то сами попадем под подозрение!

– А в чем вас будут подозревать? – допытывалась Мила.

Влад посмотрел на меня и развернул кверху ладони.

– Нет, я просто тащусь! Какая же она тупая! – Он снова повернулся к Миле и, жестикулируя, словно дама была глухонемой, громко сказал: – Если мы вас отпустим – понимаете? – если отпустим и ничего про вас не скажем милиции – врубаетесь, да? – то милиция в первую очередь подумает, что это мы с другом грохнули проводницу! Въезжаете, мадам? Они на нас подумают, потому что в вагоне, кроме нас с другом, из мужиков остается только Йохимбе, но у него алиби! У него здоровое такое, на полметра, алиби! Я понятно выражаюсь?

– Постойте-постойте! – произнесла Мила и зачем-то снова надела очки. – Значит, тут дело совсем в другом?... Я действительно сразу не поняла, о чем вы... Значит, выражаясь вашим диалектом, кто-то грохнул проводницу? И вы полагаете, что это сделала я?

Мила вдруг рассмеялась – на удивление приятно. Она запрокинула вверх лицо, и я увидел полный рот великолепных зубов. Мы с Владом с отвислыми челюстями уставились на нее.

– Вы такой забавный! – сказала Мила, скрещивая на груди руки и складывая ножки буквой Х. – Сначала вам показалось, что кто-то ударил вас по голове. Теперь, значит, проводницу грохнули. Вы случайно не страдаете криминальной маниакальностью?

– Вы напрасно иронизируете, – сказал я. – Вы можете дать какое-нибудь другое объяснение тому, что видели в купе проводницы?

Мила чуть приподняла подбородок, и я понял, что она посмотрела на меня.

– А что я там должна была увидеть? – пожалала она плечами.

– Постель проводницы! – пояснил Влад, разминая руки и щелкая костяшками пальцев.

– Я не смотрела на постель! – безапелляционно ответила Мила. – Во всяком случае, когда я туда зашла, никакого трупа в купе не было!

– Может быть, хватит притворяться? – произнес Влад, не поднимая глаз. Он напоминал паровой котел. – Может, хватит валять дурочку?

Мила оказалась крепким орешком.

– Что? – переспросила она, привставая со стола. – Что вы сказали? Валять дурочку? Это вы мне сказали?

Я был уверен, что она сейчас врежет Владу промеж глаз. Но дама, нависая над ним, как строгая учительница над двоечником, выдержала недолгую паузу и властно сказала:

– Прошу вас немедленно очистить мое купе! Немедленно выйдите отсюда! Убирайтесь!

Влад не заставил Милу повторять. Он резко встал, первым вышел в коридор, но там круто обернулся и, грозя пальцем, произнес:

– Имейте в виду: мы с другом – два свидетеля, и оба подтвердим, что видели, как вы вышли из купе проводницы без пятнадцати два. Мы видели, как вы пытались открыть окно, наверняка для того, чтобы выкинуть орудие преступления, а потом сожгли у себя в купе какую-то улику. Мы подтвердим, как вы предлагали нам взятку взамен нашего молчания! А теперь можете хлопнуть дверью и запереться.

Обвинительная речь Влада была просто блестящей. Он не сказал ничего конкретного, но слова прозвучали настолько впечатляюще, что даже у меня от волнения побежали по спине мурашки.

Мила не хлопнула дверью. Поджав губы, она несколько мгновений размышляла, затем, толкнув плечом Влада, вышла в коридор, решительно приблизилась к купе проводницы и без колебаний открыла дверь.

У этой женщины были крепкие нервы. Она смотрела на постель проводницы почти спокойно, хотя я не видел ее глаз, а именно они в первую очередь отражают эмоции. Даме было мало света, и она зажгла верхний светильник. Под потолком вспыхнули молочно-белые неоновые лампы. Мила сделала шаг назад, погасила свет и закрыла дверь купе.

– Где труп? – быстро спросила она, обнимая себя за плечи, словно ее знобило.

– Он пока не попался нам на глаза, – мрачным голосом ответил Влад.

– В тамбурах смотрели? В свободных купе? В туалетах?

Она задавала вопросы четко и отрывисто и с такой интонацией, которая предполагала немедленный и вразумительный ответ.

– В тамбурах и купе смотрели, – ответил я со вздохом. – А в этот туалет попасть не смогли. Он заперт.

– У кого ключ?

– У проводницы, у кого же еще! – нервно ответил Влад. – Вы напрасно проявляете такое усердие. Все эти вопросы мы до вас уже ставили перед собой и на все ответили.

– Выбивайте дверь туалета! – приказным тоном сказала Мила, не обращая внимания на претензии Влада.

– Ломать – не строить, – вздохнул Влад. – Это мы и без вашего напоминания сделать могли... Вы хотите нас убедить в том, что там трупа нет?

– Я не собираюсь ни в чем вас убеждать, – холодно заметила Мила. – Я вообще вам не доверяю. Может быть, это вы сами наследили в купе проводницы!

– Это уже наглость! – покачал головой Влад. – Правильно говорят, что лучшая защита – это нападение! Но хочу предупредить вас, мадам, что если и в туалете не окажется трупа, то это все равно не снимет с вас подозрения.

– Как, собственно говоря, и с вас, – добавила Мила. – Хватит болтать! Выбейте дверь!

Мне показалось, что Влад произвел эту нехитрую операцию с удовольствием. Встав в боксерскую стойку, он, словно проверяя силу противника, несильно ударил в дверь плечом. Та скрипнула, пластиковая планка косяка отошла от перегородки, обнажив щель толщиной в палец. Я понял, что второго удара будет достаточно.

Так оно и вышло. Отойдя к противоположной перегородке, Влад сдавленно крикнул и кинул свое тяжелое тело на дверь. С коротким хрустом она сорвалась с петель и вместе с Владом ввалилась в туалет.

Мы с Милой стояли рядом с титаном и ждали реакции Влада. Мой друг не торопясь выбрался в коридор, зачем-то отряхнулся, хотя у пластиковой двери опилок не было, затем вытащил поверженную дверь из умывальника и кинул ее на пол коридора.

– Прошу! – сказал он, делая приглашающий жест рукой. – Любуйтесь!

Мила первой подошла к проему и взглянула внутрь. Я заметил, как дрогнули уголки ее губ, словно ей стало больно. Она тотчас повернулась и отошла к двери своего купе, встала у окна рядом с качающимся в макраме цветочным горшком и негромко произнесла:

– Это ужасно...

Я мог бы и не смотреть на убитую, и без того было все ясно, но Влад ждал, и мне пришлось подойти к проему.

Зрелище было страшным. Женщина лежала в неестественной позе на полу между унитазом и умывальником, согнув колени и вытянув вверх руки. Если бы все это происходило в другом месте, то можно было бы подумать, что смерть застала ее в тот момент, когда она собиралась прыгать с буны в бассейн. Ее некогда белая форменная рубашка была забрызгана кровью; правый погон, сорванный с одной пуговицы, свисал с плеча, словно проводницу разжаловали перед строем; приспущенная с одного бока юбка бесстыдно оголила белое бедро. Но более всего меня поразила ее голова. Сверху на нее был натянут полиэтиленовый мешок для продуктов и плотно обвязан шнурком вокруг шеи. Казалось, что проводница – токсикоманка и лишь потеряла сознание, надышавшись клея «Момент».

Влад, заметив, куда направлен мой взгляд, сказал:

– Знаешь, зачем убийца натянул ей на голову мешок? Чтобы не оставлять кровавых следов и не выпачкаться самому, перетаскивая ее из купе в умывальник.

– Да, – согласился я. – Наверное, это так... Давай как-нибудь пристроим дверь на место.

Мы подняли с пола дверь и поднесли ее к проему. Навесить ее на петли было невозможно, и мы лишь привалили ее к косяку.

Мила сняла очки и нервно дернула за поручень окна. Наконец-то я увидел ее испуганной и раздраженной.

– Хотя одно окно в этом гадком вагоне открывается или нет? – крикнула она. – Здесь воняет кровью! Меня тошнит от этого запаха!

Влад подошел к ней и, сунув руки в карманы, смерил ее долгим взглядом.

– Запах – это не самое страшное в нашем положении, мадам, – произнес он таким тоном, от которого мне стало не по себе. – Намного хуже то, что в нашем идиотском вагоне едет маньяк.

Глава 7

Я заметил – она стала подчиняться Владу и уже не вела себя столь подчеркнуто вызывающе. Атмосферу, в которой Мила чувствовала себя вполне самостоятельно, развеял запах крови.

– Для начала я попрошу вас пройти в наше купе, – сказал Влад Миле.

Она, бледная, безлика в своих крупных темных очках, молча повиновалась и пошла по коридору вперед. Я раскрыл перед ней дверь купе. Мила вошла и села на диван.

– Позови Йохимбе и этих двух мумиезок! – сказал мне Влад.

Он старался не смотреть в глаза Миле, хотя она, прислонившись спиной к перегородке и скрестив руки, не сводила с него глаз.

– Один московский маньяк-педофил, – медленно произнесла она, – прежде чем зайти в лифт с девочкой и изнасиловать ее, несколько минут нравоучительным тоном объяснял, как опасно заходить в лифт с незнакомым мужчиной.

– Вы это к чему сказали? – раздраженно спросил Влад.

– Да так, вспомнила... Вот вы нам объявили о том, что в нашем вагоне едет маньяк, и тотчас взяли на себя роль Шерлока Холмса. А вашему немногословному и воспитанному другу, как я поняла, досталась роль доктора Ватсона. В связи с этим я хотела бы уточнить: а какую роль вы отводите мне?

Влад махнул на меня рукой, поторапливая, и я вышел из купе, не узнав, что он ответил Миле. За дверью Джонсона по-прежнему происходила какая-то возня. Я постучал, но негр опять не торопился отпереть замок, и я прождал еще минуту. Честно говоря, на его месте я послал бы всех через закрытую дверь к чертовой матери. Видимо, Джонсон открыл мне в надежде, что я приму участие в бино-мино.

– А-а! Друг! – раздался азартный голос, затем темнота материализовалась, и я увидел красные десны, из которых торчал частокол белых зубов. – Ты к нам зайдешь?

– Человека убили, – сказал я каким-то будничным голосом, отчего это страшное событие мне самому показалось пустячным.

– О-о?! – вопросительно протянул негр, вытянув вперед толстые губы и слегка склонив голову набок. До него не сразу дошел смысл моих слов. – Какого человека?

– У наших попутчиков то понос, то золотуха, – раздался из-за спины Джонсона голос Леси. Накинув халат на разгоряченное тело, морщась от яркого света в коридоре, она вышла ко мне, глянула мне в лицо, словно хотела сказать: «Кайфоломов, пошел бы ты вон!», и вялыми ватными шагами направилась в умывальник со сломанной дверью. Любовная истома еще обволакивала ее тело; Леся находилась во власти темперамента негра, и зрелище, которое ей предстояло увидеть, было невероятно жестоким после вожделенного купе. Я мог бы ее остановить и предупредить, что за сломанной дверью лежит труп проводницы, но я не стал этого делать – не было другого способа быстро привести девушку в чувство.

Шаркая тапочками, Леся приблизилась к двери умывальника, недоуменно посмотрела на вырванные с шурупами петли, на выгнутый косяк, отступила на шаг, словно не верила своим глазам.

– Это еще что такое? – пробормотала она и осторожно потянула ручку на себя, придерживая дверь за край, чтобы та не упала ей на голову.

В отличие от Леси, я смотрел на труп всего мгновение. Она же не отрывала глаз от проводницы почти минуту, словно не могла понять, что это за предмет лежит на полу умывальника. Наконец резко отшатнулась от двери, толкнув ее на прежнее место, и странно, по-бабьи заголосила:

– Ой-ой-ой-ой!

Вот тебе и золотуха, с некоторым злорадством подумал я, глядя на то, как Леся плетется по коридору, зачем-то туго стягивая на горле ворот халата.

– Я боюсь, – прошептала она, близко подойдя ко мне, глядя на меня затравленно и с недоверием.

Я молча кивнул головой, мол, в наших обстоятельствах это нормально, и, взяв ее под локоть, провел в купе к Владу и Миле. Регина, утомившись с Джонсоном, спала очень крепко, и мне пришлось стучаться в ее дверь до боли в кулаках. Эту девушку, как мне казалось, более нежную и ранимую, чем Леся, я не стал отводить в умывальник, ставший мертвецкой. Я вообще ничего не сказал ей, когда она открыла дверь, с трудом глядя на меня через подпухшие от тяжких сновидений веки, молча обнял ее за худые плечи и вывел в коридор.

Когда мы с Региной, все еще пребывающей в полусне, появились в дверях, Влад, Леся и Мила одновременно повернули головы, глядя на нас впитывающими взглядами. Мне показалось, что за те несколько минут, пока я стучался к Регине, эта тройца успела переругаться и, сидя в тесном купе, мучилась оттого, что некуда было смотреть, кроме как друг на друга.

– Йохимбе где? – раздраженно спросил меня Влад.

Мне не понравился его тон. Мила была права: Влад вел себя так, словно его кто-то наделил правом командовать.

– Сходи за ним сам, – ответил я. – А я еще раз пройду по вагону.

Я дал понять Владу, что не позволю ему понукать мной, но такой расклад не понравился Миле.

– А почему вы собрались идти по вагону один? – спросила она меня. – Я бы тоже хотела убедиться, что в нем нет посторонних.

Я пожал плечами и вышел. Джонсон уже двигался по коридору, заполняя собой все пространство, как поршень в насосе, и застегивал на ходу оранжевую рубашку.

– Здравствуй, друг! – счастливо кивнул он мне.

Я сделал неопределенный жест и следом за Милой пошел в торцевой тамбур. Чем-то я понравился Джонсону, озабоченно думал я, невольно краснея и чувствуя, что появилась еще одна причина быть настороже.

У двери в тамбур Мила остановилась и пропустила меня вперед. Я усмехнулся – дама слишком явно демонстрировала мне свое недоверие.

– Напрасно вы веселитесь, – сказала она.

Тамбур был по-прежнему пуст, а все его двери – заперты. Мила повернулась и пошла обратно, попутно заглядывая во все купе. В нерабочий тамбур она зашла первой, подергала ручки дверей, посмотрела на пол, на перегородки.

– Одно из двух, – сказала она, не поднимая лица, и мне показалось, что она избегает смотреть мне в глаза. – Либо убийца сбежал в другие вагоны, заперев за собой двери, либо... Либо не сбежал... Не стойте, как истукан! Идите к своему другу! Он, наверное, уже негра и девушек допросил.

– Мне показалось, что вы меня боитесь, – сказал я, опираясь плечом о дверь, ведущую в отсек с умывальником.

– Вам хотелось бы, чтобы я вас боялась, – поправила Мила. – Не думайте, что я не сумею защитить себя.

Я покосился на сумочку, которую она прижимала к груди. Мила проследила за моим взглядом, и ее пальцы медленно легли на золотистые шарики защелки.

– Если вы намерены использовать газовый пистолет, – на всякий случай предупредил я, – то имейте в виду, что в замкнутом пространстве вы тоже подвергаете себя риску. Это во-первых. А во-вторых, вы не должны меня бояться.

– Это почему же? – криво улыбнулась Мила. – У вас что, на лице написано, что вы порядочный гражданин?

– Я постараюсь убедить вас в этом, – ответил я. – Но от вас мне тоже нужны объяснения...

– Никаких объяснений! – категорически отказала Мила и повела рукой. – Я вам не доверяю, и не пытайтесь меня в чем-либо убеждать. Пропустите меня!

– Вы ведете себя неразумно, – предостерег я и отошел в сторону. – Идите. Но до прихода милиции мы с другом постараемся ограничить вашу свободу.

Я сделал слишком смелое заявление и очень скоро в этом убедился. Мила поравнялась со мной и подняла скрытые за очками глаза.

– Очень не хотелось бы, чтобы у вас были неприятности.

Она вышла в коридор, прошла мимо купе, в котором проводил собрание Влад, причем походя бросила на моего друга презрительный взгляд, и, зайдя к себе, задвинула дверь и заперла замок. Я даже не попытался ее догнать.

– Почему ты позволил ей уйти?! – начальственным тоном спросил Влад, когда я сел на диван рядом с Лесей и Региной.

Мой друг начал меня раздражать. Не представляю, как его до сих пор терпели девушки. Джонсон крутил курчавой головой, вращал белками глаз и, напрягая черный лоб, с подобострастием смотрел в рот Владу, выказывая страстное желание подчиняться.

– Мила вовсе не обязана здесь сидеть, – высказал я провокационную фразу и, рискуя перечеркнуть все усилия Влада, добавил: – И вообще я не вижу смысла в этом допросе. Придет милиция и во всем разберется.

Влад открыл по мне пулеметный огонь глазами. Негр очень внимательно слушал меня, одобряюще кивал головой, а когда я замолчал, он перевел взгляд на Влада, готовясь губкой впитывать в себя его ответ. Его шикарные глаза, морщинки на лбу и своеобразный наклон головы напоминали агитационный плакат эпохи развитого социализма: «Гражданин свободной Африки изучает наследие марксизма-ленинизма». Леся повернула голову и что-то тихо шепнула подруге; шепот, влившись в ухо, разлился на губах Регины сдержанной улыбкой.

– Замечательно! – оценил мою инициативу Влад. – Давайте разбредемся по своим купе, а когда придет милиция, то найдем еще пару трупов!

Джонсон опять кивал, соглашаясь уже со словами Влада. Мне в душу закралось подозрение, что он вообще не рубит по-русски, кроме фраз «Здравствуй, друг!» и «Будем делать бино-мино!».

– Влад прав, – сказала Леся, любясь своими ногтями, растопырив пальцы на своей голой коленке. – Мне было бы спокойнее находиться рядом с ним.

– Да, да! – подтвердил Джонсон и перевел жадный взгляд на Влада.

– А как мы все разместимся здесь? – то ли задала вопрос, то ли намекнула Регина. – Если по двое на полке, то один получается лишний.

– Я вообще не буду спать, – объявил Влад.

Это решение очень обрадовало Джонсона. Он радостно улыбнулся и сказал:

– А я буду спать в своем купе.

И стал светить белками глаз то на Регину, то на Лесю. Леся делала вид, что не замечает этого аппетитного взгляда, а Регина стала неудержимо зевать.

– Можно я уже сейчас прилягу? – спросила она у всех.

– Стоп! – взмахнул рукой Влад. – Ерунда какая-то получается. Никто никуда не пойдет. Никому не спать! Все будем сидеть в этом купе и дожидаться ближайшей станции. Кто-нибудь нас да откроет.

Я незаметно наступил Владу на ногу, но он был слишком озабочен серьезными проблемами и не придавал этому жесту значения. Тогда я плюнул на конспирацию, взял его за руку и сказал:

– Выйди, пожалуйста, мне надо с тобой поговорить!

В коридоре, закрыв за собой дверь, я схватил его за ворот майки.

– Ты что ж это заставляешь меня полночи сидеть рядом с негром?! На кой черт он мне нужен?

– Не нравится мне этот Йохимбе, понял?! – зашипел Влад, отрывая мою руку от своей майки. – Следить за ним надо и девчонок к нему не подпускать! Они от усталости уже окосели и не соображают, что делают. Посиди с ними пятнадцать минут, потом будет Гаремджа, пассажиры на платформе поднимут шум, вмешаются бригадир, милиция, нас откроют.

– А ты что сейчас будешь делать?

– Я буду караулить Милу.

Изнутри кто-то попытался приоткрыть дверь, но Влад схватился за ручку и навалился на нее своим весом.

– Милку и Йохимбе надо пасти, понял? – громко зашептал он. – Упустим их – сами загремим под следствие. И плакали мои цистерны.

– А сидеть рядом с ними зачем? – спросил я без всякого энтузиазма. – Пусть разойдутся по своим купе, а мы с тобой здесь подремлем.

– А вдруг Йохимбе выбьет окно и выпрыгнет наружу?

– В таком случае и Милка может выпрыгнуть.

– Да, может, – согласился Влад и поджал толстые губы. – Но ты же, шляпа, упустил ее! В дверь стали колотить.

– Подождите! – в один голос крикнули мы с Владом.

– Так что решили? – неожиданно отдал мне инициативу Влад. – Что ты предлагаешь?

– Пусть негр сидит с девчонками, а мы с тобой поскучаем здесь. До Гаремджи никого не выпустим.

– Пусть будет так, – согласился Влад. – Главное, старичок, не застрять нам надолго в Гаремдже из-за этой гнусной истории. Если я не встречу цистерны в Чарджоу – будет беда.

– А ты не заводишь и не груби ментам, – воспользовался я случаем дать совет. – Смотри на них преданными глазами, как Джонсон, и никто тебя ни в чем не заподозрит.

– Тут ты прав, тут ты прав, – задумчиво произнес Влад. – Йохимбе заподозрят в последнюю очередь. А я поспорить готов, что это он сначала ударил меня, а потом грохнул проводницу.

– Зачем?

– Она не пропустила в наш вагон его бабу.

– Слабоватый аргумент. Из-за такой ерунды убивать человека!

– Все равно мне он не нравится.

– А мне здесь никто не нравится, – признался я. – И Милка эта темнит насчет минеральной воды, из-за которой она заходила в купе проводницы, и у Леси, кроме мумие, еще какие-то свои интересы в этом вагоне есть.

Поезд притормаживал. Вагон стучал колесами на стыках и стрелках. Мы с Владом прильнули к окнам. Мимо нас, распарывая черное полотно ночи, кометами проносились одинокие фонари. Квадратные пятна света от вагонных окон неотрывно скользили за нами, выхватывали из темноты фрагменты насыпи с пучками выгоревшей колючки, белыми столбиками, отсчитывающими стометровые отрезки.

Засвистели тормозные колодки. Состав стал резко сбавлять скорость. Влад глянул на часы:

– Прибыли на десять минут раньше.

– Может быть, еще и не прибыли, – ответил я. – Ни станции, ни платформ, ни людей. Темно, как у Джонсона...

Похоже, наш состав загоняли на какой-то запасной путь, и казалось, что машинист, словно в автомобильной пробке, сам отыскивает свободную колею среди мрачных товарня-

ков. Мы втискивались в какую-то забытую богом и диспетчерами щель и очень медленно ползли мимо черных со смоляными боками цистерн.

Влад вдруг отпрянул от окна, удивленно-радостно взглянул на меня и воскликнул:

– А они уже здесь!

– Кто? – не понял я.

– Мои цистерны! Вот они, голубушки! Я их по номерам узнал!

Наш вагон напоследок тряхнуло, и он остановился. В лампах дневного света упало напряжение, и в коридоре стало полусумрачно, а оттого очень неуютно.

Окно запотело от моего дыхания, но все равно смотреть было не на что. Не знаю, где, в какой пустыне, в каком тупике остановился наш поезд. Ни ярких фонарей, ни платформы, ни дорожных киосков, торгующих холодным пивом и засохшими цыплятами, ни пассажиров и милиции под нами не было. Казалось, что вместе с черными цистернами Влада мы зависли в космосе.

Глава 8

– Я понимаю, что Гаремджа – это не Москва, – бормотал Влад, передвигаясь от окна к окну в сторону тамбура. – Но хотя бы столб с указанием станции должен быть!

Щелкнул замок, и со звуком катящегося шара в кегельбане отъехала в сторону дверь. Мила вышла в коридор и приблизилась к окну.

– Где это мы? – спросила она, рассматривая свое отражение в стекле, так как ничего другого увидеть не могла.

Мы с Владом промолчали, так как сами еще ничего толком не знали. Впрочем, я заметил, что Влад был мало обеспокоен отсутствием под нами платформы. Цистерны, до которых, казалось, можно было дотянуться рукой, действовали на него лучше всякого успокоительного. Я думаю, что мой друг даже забыл о своей перебинтованной голове и труп в умывальнике. Он, словно изнемогая от предстоящей встречи с любимой, маялся перед окнами, прикладывался к стеклам щекой, пытаясь заглянуть подальше и пересчитать цистерны.

Наконец, его вынесло в тамбур. Вдоволь насмотревшись темноты через окна дверей, он пришел к выводу:

– Нет, это не Гаремджа. Наверное, мы остановились, чтобы пропустить встречный.

Мила хотела присоединиться к нам и зайти в тамбур, но, приблизившись к выломанной двери умывальника, передумала и вернулась к своему купе.

– Какие новости, господа? – спросила она, когда мы быстро и в ногу пошли по коридору.

– Все идет по плану, – не задумываясь, ответил Влад. – Все пассажиры под контролем, труп коченеет, поезд запаздывает на несколько минут.

– Исчерпывающий ответ, – недовольно сказала Мила. – А кто может ответить точнее, на сколько мы опаздываем?

Влад на ходу махнул рукой за плечо, показывая на меня, а я пожал плечами.

– Тихо! – вдруг вскрикнул Влад и остановился так резко, что я боднул головой между его лопаток. – Слышите?

Откуда-то спереди донесся металлический лязг, затем шипение, свисток.

– Прекрасно! – произнес Влад, который любил делать вид, что он сразу обо всем догадался.

Мы с Милой переглянулись и поняли, что не успеваем за быстротой мысли Влада.

– Это обходчик состава, – с ходу придумал Влад. – Слышали, как он молоточком по колесам стучал?

У Влада было что-то не то со слухом или же с самолюбием. Металлический лязг, который мы слышали, меньше всего напоминал удар молоточком по колесам.

– Пошли в другой тамбур! – качнул головой Влад.

Мы пошли по коридору дальше. Мила от скуки и нетерпения увязалась за нами. Рядом с купе, где притихли Джонсон и девчонки, Влад остановился и толкнул дверь в сторону. Негр спал на правом диване, обеими ручищами обхватив подушку, как Отелло шею Дездемоны, а Леся с Региной – на левом, поджав коленки и обняв друг друга, как котят.

– Пусть спят, – великодушно разрешил Влад, задвигая дверь. – Меньше будут путаться под ногами.

Теперь уже Мила шла первой, открывая перед собой двери. Влад, толкнув меня в плечо, сделал серьезное лицо и поднес к лицу указательный палец, мол, смотри за ней в оба!

Зайдя в тамбур, Мила вдруг замерла в дверях и сдавленным голосом воскликнула:

– Боже, что это?!

Она спрашивала и в то же время загораживала собой всю перспективу. Мне неловко было толкать женщину в спину, и я с тревожным нетерпением уставился на ее затылок с темной родинкой, спрятавшейся под волной светлых волос.

– Да что там, черт подери! – не выдержал Влад, которому вдобавок мешал еще и я.

Мила сделала шаг вперед, освобождая проход, и мы с Владом ввалились в тамбур. В узком окне переходной двери удалялись от нас, уплывая в темноту, четыре красных огонька, определяющих габариты вагона. С обеих сторон от нашего СВ теперь расходились в сторону только рельсы да лесенка шпал. Вагон, в котором мы ехали, отцепили от состава!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.